

КНИГА ГОДА
по версии Times, New Statesman и Spectator

СИЛЫ и ПРЕСТОЛЫ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ДЭН ДЖОНС

New York Times Bestselling Author

Дэн Джонс

**Силы и престолы. Новая
история Средних веков**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(4)"375/1492"
ББК 63.3(0)4

Джонс Д.

Силы и престолы. Новая история Средних веков / Д. Джонс —
«Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-22440-7

Разграбление варварами некогда могущественного, а в 410 году лежавшего в руинах Рима ознаменовало конец прежней эпохи и начало тысячелетней глубокой трансформации. В захватывающем повествовании, изобилующем известными именами – от святого Августина и Атилы до пророка Мухаммеда и Алиеноры Аквитанской, – Дэн Джонс исследует историю Средневековья и сопровождает читателей в путешествии по развивающейся Европе, великим столицам поздней Античности и влиятельным городам исламского Запада. Средневековый мир был сформирован мощными силами, которые актуальны и сегодня: изменение климата, пандемии, массовая миграция и технологические революции. Это было время, когда рождались великие европейские нации, были кодифицированы основные западные системы права и управления, христианская церковь становилась мощным институтом и регулятором западной общественной морали, а искусство, архитектура, философские исследования и научная мысль переживали периоды революционных изменений. Запад был восстановлен на руинах Римской империи и вышел из состояния кризиса, начав доминировать в мире. Каждая сфера человеческой жизни и деятельности ощутила на себе преобразования. «Мы пронесемся на головокружительной скорости по столетиям и континентам. Мы повстречаем сотни мужчин и женщин, от вождя гуннов Атилы до Жанны д'Арк. И мы с головой погрузимся в дюжину разнообразных исторических отраслей, от юриспруденции и военного дела до искусства и литературы. Я собираюсь задать ряд важных вопросов – и, надеюсь, смогу найти на них ответы. Что происходило в Средние века? Кто тогда правил? Как выглядела власть? Какие великие силы влияли на жизнь людей? Как Средние века сформировали тот мир, который мы знаем сегодня, – и можно ли вообще задаваться таким вопросом? Порой вам может

показаться, что все это чересчур сложно для восприятия. Но, обещаю, будет интересно». (Дэн Джонс) В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)"375/1492"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-389-22440-7

© Джонс Д., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

От автора	9
Введение	10
I	13
1	13
Климат и завоевания	16
«Создав пустыню, они говорят, что принесли мир»	19
Граждане и чужаки	22
Души на продажу	24
Романизация	27
От многих богов к одному богу	30
Наследие	32
2	34
«Ужаснейший из воинов»	35
Первая кровь	38
Буря возвращается	40
Явление тиранов	46
От Атилы до Одоакра	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дэн Джонс

Силы и престолы. Новая история Средних веков

Энтони, который думает обо всем

*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет
ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот
это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

Книга Екклесиаста, 1:9–10

Dan Jones
POWERS AND THRONES
A New History Of The Middle Ages

Впервые опубликовано в Великобритании в 2021 году издательством Head of Zeus Ltd

Научный редактор: Захаров А. О., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН

© Dan Jones, 2021
© Jamie Whyte, maps
© Степанова В. В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

* * *

В книге рассказывается о сложном, неоднозначном Средневековье, где Восток и Запад глубоко переплетены. Европа тех времен развивалась в тесной связи с другими регионами. Климатические катастрофы, чума и миграция разрушали семьи и империи, создавая новые. Хроника организована вокруг социальных групп (от монахов, рыцарей, крестоносцев и купцов до ученых, зодчих, мореплавателей и протестантов), которые в тот или иной период времени пользовались большим влиянием.

Washington Post

Эта не лишенная амбиций исследовательская работа охватывает тысячу лет истории Средневековья. Автор рассказывает о падении римлян, миграции варваров, расцвете исламских империй, эпохе франков, монгольской сверхдержаве и чуме, уничтожившей миллионы жителей Северной Африки, Азии и Европы. Несмотря на головокружительный темп повествования, чтение представляет собой истинное наслаждение, поскольку книга наполнена необычными деталями и остроумными замечаниями. Дэн Джонс ни на секунду не забывает о настоящем времени, тонко соединяя промежуточные пункты между «тогда» и «сейчас».

The Guardian

Повествование выходит далеко за рамки политической истории. Наряду с борьбой за власть императоров, монархов и племенных вождей освещаются силы пандемий, климатических и демографических изменений, последствия интеллектуального и коммерческого упадка и подъема, а также культурные влияния религии, завоеваний и путешествий. В результате получился всеобъемлющий отчет о жизни людей на протяжении всего Средневековья. Автор основывает анализ на обширной библиографии, большом количестве первоисточников и археологических данных. Все это в совокупности позволило создать захватывающую историю непрерывности и перемен... Экстраординарной представляется способность автора видеть и распутывать нити истории, а также формулировать и раскрывать важные глобальные исторические вопросы.

Get History

В книге рассказывается о ключевых событиях и личностях, которые определили тысячелетие от падения Западной Римской империи до начала современной эры. Перед читателем возникает целая процессия из королей, священнослужителей, завоевателей и людей искусства, тем самым создается живая история, которая читается как роман. Повествование обогащается историческими анекдотами и глубоким анализом событий, сформировавших эпоху. Расхожая идея о том, что раннее Средневековье было эпохой варварства и невежества, опровергается огромным количеством контраргументов... Автор затронул все основные темы, имеющие отношение к важнейшему периоду мировой истории, так что к концу книги каждый кусочек головоломки встает на место и мы начинаем лучше понимать не только мир Средневековья, но и современный.

New York Times

Идеально сбалансированная книга, в которой уделяется достаточно внимания каждой освещаемой теме и демонстрируется, как болезни, технологии и идеология часто становились движущими силами перемен. Автор не боится острых вопросов и исследует развитие и нравственность рабства, причины Крестовых походов и расцвета протестантизма... Ценное приобретение для любой домашней библиотеки.

Book Corner

Автор обнаруживает неожиданные связи между происходившими от падения Римской империи до Реформации событиями и действующими лицами. Богатое удивительными деталями исследование Средневековья придется по душе как историкам, так и всем интересующимся этим периодом.

Publishers Weekly

В захватывающей форме совершенно по-новому представлена, казалось бы, хорошо изученная тема – история Средних веков, географически охватывающая почти всю территорию земного шара.

Newsweek

Автор этой книги – историк с огромным опытом и писательским талантом. Он прекрасно знает, что именно делает рассказ интересным.

The Times

Необычайно амбициозная и успешно воплощенная идея. В этом повествовании связываются в единую картину многие нити.

Питер Франкопан, историк, директор Оксфордского центра византийских исследований

Эпизоды хроники будто сняты с большого расстояния широкоугольным объективом: то ясно показывается общая картина, то дается возможность разглядеть мелкие детали.

Дэн Карлин, создатель Hardcore History

Незаменимое чтение для всех, кто интересуется, как тысячелетний период коренным образом изменил ход истории.

BookPage

От автора

Эта книга охватывает временной период длительностью более тысячи лет, а с географической точки зрения – все континенты и регионы, кроме Австралии, Новой Зеландии и Антарктиды. В ней вы встретите множество разных языков, культур и денежных единиц. Какие-то из них будут вам знакомы, какие-то нет. Чтобы чтение оставалось легким и доставляло удовольствие, я решил обойтись без жестких систем конвертации валют и орфографических соответствий. Я предпочитаю узнаваемость точному соответствию и здравый смысл – всем прочим соображениям. Надеюсь на ваше понимание.

Введение

В XVI в. английский историк Джон Фокс окинул взглядом раскинувшееся позади прошлое, с древнейших времен до его современности, и заключил, что историю (точнее, историю церкви, которая интересовала его в первую очередь) можно разделить на три больших отрезка.

По мнению Фокса, история начиналась с «первобытных времен», под которыми он понимал ту далекую древность, когда христиане, гонимые злобными безбожными римлянами, прятались в катакомбах в надежде избежать распятия или чего похуже, и достигала кульминации в «наши последние дни» – в эпоху Реформации, когда хватка католической церкви в Европе заметно ослабла, а западные мореплаватели начали осваивать Новый Свет.

Между этими двумя периодами втиснулся громоздкий временной отрезок длиной примерно в тысячу лет, который Фокс назвал «средним веком». Как подсказывает название, он был не то и не другое – нечто среднее, неопределенное.

Сегодня мы по-прежнему пользуемся определением Фокса, хотя употребляем термин во множественном числе. Для нас Средние века – время от падения Западной Римской империи в V в. до протестантской Реформации. Все, что связано с этим периодом, называется средневековым – прилагательное появилось в XIX в., но имеет такое же значение¹. Средними веками принято считать время, когда античный мир перестал существовать, а современному миру только предстояло возникнуть, – когда люди строили замки и сражались в доспехах, верхом на лошадях, когда Земля считалась плоской и все на ней казалось очень далеким. В XXI в. некоторые историки предложили обновить терминологию и говорить уже не о Средних веках, а о Среднем тысячелетии (Middle Millennium), но это определение пока не прижилось².

Слова «Средние века» и «средневековый» отягощены множеством дополнительных смыслов, и сами Средние века стали жертвой недоброй исторической шутки. Эти слова нередко используют почти как ругательство, особенно часто это делают редакторы газет, когда хотят нарисовать картину ограниченности, варварства и необузданного насилия. Другое популярное название этого периода, «Темные века», точно так же карикатурно изображает средневековое прошлое как время бесконечных интеллектуальных сумерек. По вполне очевидным причинам все это страшно раздражает современных историков. Если вы вдруг встретите одного из них, постарайтесь не употреблять слово «Средневековье» в пренебрежительном смысле, если не хотите выслушать долгую нотацию (или получить кулаком в нос).

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает историю Средних веков. Это большая книга, потому что это большая задача. Мы пронесемся на головокружительной скорости по столетиям и континентам. Мы повстречаем сотни мужчин и женщин, от вождя гуннов Аттилы до Жанны д'Арк. И мы с головой погрузимся в дюжину разнообразных исторических отраслей, от юриспруденции и военного дела до искусства и литературы. В этой книге я собираюсь задать ряд важных вопросов – и, надеюсь, смогу найти на них ответы. Что происходило в Средние века? Кто тогда правил? Как выглядела власть? Какие великие силы влияли на жизнь людей? Как Средние века сформировали тот мир, который мы знаем сегодня, – и можно ли вообще задаваться таким вопросом?

Порой вам может показаться, что все это чересчур сложно для восприятия.

Но обещаю, будет весело.

---

¹ Оксфордский словарь английского языка отмечает первый случай использования слова «средневековый» (согласно написанию того времени, *medieval*) в 1817 г. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

² См., например: Olstein, Diego, “Proto-globalization” and “Proto-glocalizations” in the Middle Millennium’, in Kedar, Benjamin Z. and Wiesner-Hanks, Merry E. *The Cambridge World History V: State Formations* (Cambridge: 2015).

Я разделил книгу на четыре части, следующие в приблизительном хронологическом порядке. В первой части мы рассмотрим то, что один выдающийся современный историк назвал наследием Рима³. Начнем с распада Западной Римской империи, сотрясаемой, помимо прочего, климатическими переменами и десятилетиями массовой миграции. Затем рассмотрим вторичные сверхдержавы, возникшие на обломках Рима: так называемые варварские королевства, из которых позднее вышли все европейские монархии, и обновленную Восточную Римскую империю, или Византию, а также первые мусульманские империи. Эта история разворачивается с начала V до середины VIII в.

Вторая часть начинается с эпохи франков, возродивших на Западе христианскую империю по римскому образцу. Здесь мы будем много говорить о политической истории, хотя и не только о ней. Мы не только наблюдаем за становлением династий, превративших Европу в круг христианских королевств, но и увидим, как в конце первого тысячелетия возникли новые разновидности «мягких» культурных сил. Еще мы зададимся вопросом, почему монахи и рыцари стали играть такую важную роль в западном обществе в Средние века и как слияние их мировоззрений породило Крестовые походы.

Третья часть открывается впечатляющим выходом на сцену новой глобальной сверхдержавы. Стремительное, захватывающее и чудовищно жестокое возвышение монголов в XIII в. привело к тому, что восточная империя со столицей на месте современного Пекина ценой миллионов жизней добилась кратковременного господства над половиной мира⁴. Мы увидим, как на фоне этих драматических перемен в глобальной геополитике в период, который иногда называют высоким Средневековьем, происходило развитие других держав. Мы познакомимся с купцами, которые изобрели необычные новые финансовые механизмы, чтобы сделать богаче самих себя и весь мир; с учеными, которые возродили античную мудрость и основали великие университеты, дожившие до наших дней, а также с архитекторами и инженерами, которые построили города, соборы и замки, стоящие и пятьсот лет спустя, словно порталы в средневековый мир.

В четвертой части Средние века подходят к завершению. Мы начнем с пандемии чумы (Черной смерти), которая пронеслась по миру с востока на запад, опустошив целые страны, изменив экономику и перевернув представления людей об окружающем мире. Затем поговорим о том, как мир отстраивали заново. Мы встретимся с гениями эпохи Возрождения и отправимся в путь вместе с великими мореплавателями, которые стремились на поиски новых земель – и находили их. Наконец, мы увидим, как изменение религиозного учения, связанное с развитием новых коммуникационных технологий, вызвало к жизни протестантскую Реформацию, которая (по словам Фокса) опустила занавес над «средним веком».

Таково в общих чертах содержание этой книги. Я также должен сказать несколько слов о ее главных задачах. Как следует из названия, это книга о силе (или власти)⁵. Под этим я подразумеваю не только политическую власть и даже не только человеческую силу. Мы встретим множество могущественных мужчин и женщин (хотя, поскольку это Средние века, первых неизбежно будет больше, чем вторых). Мне показалось интересным также включить в картину великие силы, неподвластные человеку. Изменение климата, массовые миграции, пандемии, развитие технологий и возникновение глобальных сетей – все это звучит очень современно и где-то даже отдает постмодернизмом. Эти явления играли определяющую роль и в Сред-

---

³ Wickham, Chris, *The inheritance of Rome: A history of Europe from 400 to 1000* (London: 2010).

⁴ Речь идет о правлении хана Хубилая, основателя империи Юань, хотя его влияние за пределами Китая и Монголии было весьма ограниченным. Столицей классической Монгольской империи до Хубилая был до 1260 г. Каракорум, затем Шанду, а Ханбалык (кит. Даду) на территории современного Пекина занял их место в 1264 г., хотя строительство продолжалось более десяти лет. – *Прим. науч. ред.*

⁵ В английском языке название *Powers and Thrones* означает еще «Державы и престолы», так что автор обыгрывает многозначность слова *power*. – *Прим. науч. ред.*

ние века. И поскольку мы все в некотором смысле дети Средневековья, важно осознавать, насколько мы похожи на средневековых людей – разумеется, признавая при этом, что во многом мы глубоко от них отличаемся.

Эта книга в основном посвящена Западу и рассматривает историю других частей света сквозь призму Запада. Я не извиняюсь за это. Меня очаровывает история Азии и Африки, и на протяжении всего повествования я пытался показать, насколько глубоко средневековый Запад переплетался с Востоком и Югом. Само понятие Средних веков характерно именно для западной истории. Я пишу на Западе, где прошел большую часть своего жизненного и профессионального пути. Однажды я напишу – или, скорее всего, кто-то другой напишет – еще одну историю Средних веков, в которой этот период будет рассмотрен под прямо противоположным углом, как будто «извне»⁶. Впрочем, это произойдет не сегодня.

Таковы в целом очертания того, что нас здесь ждет. Как я уже говорил, это большая книга. И вместе с тем она безнадежно короткая. Я уместил более тысячи лет истории менее чем в тысячу страниц. Предметам и явлениям, о которых пойдет речь в отдельных главах этой книги, посвящены целые научные области. Углубиться в те из них, которые покажутся читателям интересными, помогут сноски и избранная библиография. И хотя в этой книге определено есть на что взглянуть, очень многое осталось за рамками. Я могу лишь сказать, что во всех работах ставлю перед собой цель не только сообщать полезные сведения, но и развлекать. И если в этой книге вы найдете понемногу и того и другого, я буду считать, что мне повезло.

*Дэн Джонс
Стейнс-апон-Темз,
весна 2021 г.*

---

⁶ Множество захватывающих исследований о Средних веках за пределами Европы публикуется в относительно новом издании *Journal of Medieval Worlds*. О миссии этого издания см.: Frankopan, Peter, 'Why we need to think about the global Middle Ages', *Journal of Medieval Worlds* I (2019), p. 5–10.

I

Империя

Около 410 г. – 750 г.

1

Римляне

*Повсюду в чести и славе... имя римского народа.
Аммиан Марцеллин, римский историк и солдат*

Они сошли с безопасной дороги и направились в глушь, таща вдвоем тяжелый деревянный сундук. Они несли его примерно две мили по пересеченной местности, и можно представить, как он все это время оттягивал им руки – этот небольшой (всего 1 м в длину) сундук из прочного дерева, доверху наполненный и запертый на большой серебряный пружинный замок. Чтобы перенести его, требовалось как минимум двое носильщиков или маленькая тележка – вес деревянного ящика вместе с содержимым составлял примерно половину веса взрослого человека⁷. Однако ценность запертого в сундуке добра намного превышала стоимость человеческого существа. Раб или рабыня, привезенные из Галлии через Британское море (Океанус Британникус – сегодняшний Ла-Манш) и купленные на одном из рынков Лондона (Лондиниума), могли в те дни обойтись в 600 денариев при условии, что были физически крепки, молоды и трудолюбивы или хороши собой. Достаточно крупная сумма – примерно вдвое больше годового жалованья обычного солдата⁸, но знатный гражданин Римской империи в V в. вряд ли считал ее серьезными деньгами. Внутри дубового ящика, негромко поскрипывавшего, пока носильщики шагали по пологим загородным холмам, скрывалось состояние, которого хватило бы для покупки нескольких десятков домашних рабов.

Уложенный в дубовый сундук драгоценный груз состоял примерно из 600 золотых монет-солидов. Рядом позвякивали 15 000 серебряных силикв⁹ и пригоршня случайных бронзовых монеток. Монеты украшали портреты императоров трех династий, последним среди них был злополучный узурпатор Константин III (пр. 407/409–411). Под слоем монет таились еще более ценные сокровища: множество великолепных золотых ожерелий и колец, модные нательные цепочки, повторяющие изгибы стройного женского тела, браслеты с чеканными геометрическими узорами и реалистичными сценами охоты, серебряные ложки и перчатки в виде диких зверей, античных героев и императриц, элегантные туалетные принадлежности (серебряные лопаточки для чистки ушей и зубочистки, похожие на длинношеих ибисов), миски, кубки и кувшины, а также крошечная шкатулка для драгоценностей, вырезанная из слоновой кости, – одна из тех безделушек, которые богатые мужчины, скажем Аврелий Урсицин, чье имя выгравировано на многих предметах из клада, любили покупать для утонченных женщин, таких как госпожа Юлиана. Один из браслетов украшен нежным посланием – тонкие полоски кованого золота складываются в буквы: VTERE FELIX DOMINA IVLIANE («Носи с радостью,

---

⁷ Примерно 40 кг, если считать вес сокровищ вместе с деревянным сундуком. Johns, Catherine, *The Hoxne Late Roman Treasure: Gold Jewellery and Silver Plate* (London: 2010), p. 201.

⁸ De la Bédoyère. Guy, *Roman Britain: A New History* (revd. edn.) (London: 2013), p. 226–227. Mattingly, David. *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire* (London: 2006), p. 294–295. По оценке другого историка, в современных условиях цена раба могла бы сравниться «с ценой нового автомобиля» – Woolf, Greg. *Rome: An Empire's Story* (Oxford: 2012), p. 91.

⁹ Силиква – римская серебряная монета, равнявшаяся 1/24 золотого солида. – *Прим. науч. ред.*

госпожа Юлиана»). Символ, которым помечены десять серебряных ложек, сообщает о приверженности владельцев молодой, но уже широко распространившейся в то время религии: на ложках выбита хризма (хрисмон) – монограмма из первых двух греческих букв слова «Христос» (греч. ΧΡΙΣΤΟΣ). Этот знак с первого взгляда узнавали все единоверцы, члены христианской общины, распространившейся в то время от Британии и Ирландии (Гибернии) до Северной Африки и Ближнего Востока¹⁰.

Клад монет, украшений и домашней утвари заключал в себе далеко не все ценности этой семьи. Аврелий и Юлиана принадлежали к небольшой, сказочно богатой прослойке христианской знати Британии, и их полная роскоши и комфорта жизнь на вилле мало чем отличалась от жизни остальных знатных семей по всей Европе и Средиземноморью. И все же попавшие в сундук предметы стоили немало, и следовало хорошо подумать, что именно в него спрятать. Это было разумное решение: богатый тайник служил своего рода страховкой на будущее. Хозяева приказали закопать его для сохранности в каком-нибудь неприметном месте, пока не станет ясно, чем обернется беспокойная политическая обстановка в Британии: крахом правительства, гражданскими беспорядками или чем-нибудь похуже. Только время могло показать, какая судьба уготована провинции. Между тем богатствам надежнее всего было полежать под землей.

Суэта оживленной дороги, соединяющей восточный город Кайстер-бай-Норвич (Вента-Иценорум) с большой дорогой, ведущей из Лондона в Колчестер (Камулодунум), давно осталась позади, и двое слуг, несущие сундук, оказались в одиночестве, вдали от посторонних глаз. Они отошли достаточно далеко: от ближайшего города под названием Скол их отделяли две с лишним мили. Довольные тем, что нашли хорошее место, они поставили сундук на землю. Может быть, они немного отдохнули или даже подождали до наступления темноты. Вскоре лопаты вонзились в землю, появилась неглубокая яма, рядом с которой выросла горка вынутой почвы, состоящей из смеси глины и песка с гравием¹¹. Рыть глубокую яму не было нужды – это только добавило бы им лишней работы в будущем, когда придет время доставать сундук. Углубив яму всего на несколько футов, они бережно опустили в нее свою ношу и начали забрасывать яму землей. Постепенно прочный дубовый сундук, в котором лежали ложки и прочее столовое серебро Аврелия, изящные украшения Юлианы и россыпи монет, скрылся из виду. Его похоронили, словно погребальный инвентарь, – те ценные вещи, которые клали в могилы вместе с владельцами в полузабытые давние времена. Слуги заметили место, а затем налегке и с легким сердцем двинулись обратно к дороге. Возможно, они говорили себе, что еще вернуться. Когда именно? Трудно сказать. Наверняка как только стихнут сотрясавшие Британию политические бури, как только захватчики-варвары, с утомительной регулярностью совершавшие набеги на восточное побережье, будут наконец изгнаны, а верные солдаты, воевавшие в Галлии, вернуться домой, мастер Аврелий снова пошлет их выкопать принадлежащие ему ценности. В 409 г. они не знали и вряд ли могли даже представить, что клад Аврелия Урсицина на самом деле пролежит под землей почти 1600 лет¹².

На заре V в. Британия была самой дальней окраиной Римской империи – великой сверхдержавы с более чем тысячелетней историей. Римское государство возникло в железном веке как монархия (годом основания традиционно принято считать 753 г. до н. э.), но после семи царей, каждый следующий из которых, согласно преданию, оказывался худшим тираном, чем предыдущий, в 509 г. до н. э. Рим стал республикой. Позднее, в I в. до н. э., республика пала, и с тех пор Римом правили императоры. Изначально император был только один, но в

¹⁰ Johns. *The Hoxne Late Roman Treasure*, p. 168–169.

¹¹ О почве см: *ibid.*, p. 9.

¹² Сегодня этот сундук с сокровищами известен как Хоксенский клад, или клад из Хоксне. В 1992 г. его нашли любители, искавшие с металлоискателями потерянный молоток. Сейчас клад выставлен в Британском музее.

конце III в. н. э. их число увеличилось до четырех, а столицами империи, кроме Рима, стали Милан, Равенна и Константинополь. Завоеванием Британии занялся в 43 г. четвертый римский император Клавдий (пр. 41–54). Он выдвинул против коренного населения островов армию из 20 000 свирепых римских легионеров и нескольких закованных в броню слонов. К концу I в. большая часть Южной Британии была завоевана (а в той северной части, где так и не прекратились столкновения, через некоторое время вырос Адрианов вал). Британия перестала быть загадочной землей на границе известного мира, став более или менее усмирённой частью средиземноморской сверхдержавы. Следующие три с половиной века Британия провела в составе Римской империи – политического левиафана, соперничать с которым размерами, сложностью внутреннего устройства, военной мощью и долговечностью могли только восточные государства, такие как Парфянское царство и держава Сасанидов или китайская империя Хань. Историк Аммиан Марцеллин, грек по происхождению, который жил и писал в IV в., называл Рим городом, «которому суждено жить, пока будет существовать человечество», а о Римской империи говорил, что она, «согнув гордую выю диких народов, дала им законы, основы свободы и вечные устои»¹³¹⁴.

В какой-то мере это преувеличение, но не такое уж большое. Аммиан Марцеллин был далеко не единственным римским писателем, воспринимавшим историю Рима лишь как череду триумфов, протянувшуюся из мрака предистории вперед в бесконечность¹⁵. Поэты и историки, такие как Вергилий, Гораций, Овидий и Тит Ливий, много говорили о природном превосходстве римских граждан и посвятили немало строк их славным достижениям. В «Энеиде» Вергилия, где изложен миф о магическом происхождении империи, говорится: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, дам им вечную власть»¹⁶. Жителей империи при этом называют «римляне, мира владыки, облаченное тогою племя»¹⁷. «Римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою», – писал Ливий¹⁸¹⁹. Даже через четыреста лет после того, как империя пережила исключительно беспокойный период гражданских войн, узурпаций, убийств, вторжений, политического раскола, эпидемии и почти банкротства, Марцеллин все еще утверждал: «По всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седины сената и имя римского народа»²⁰.

Но уже в следующем поколении после того, как Марцеллин написал эти хвалебные строки, западная половина империи погрузилась в состояние окончательного упадка. Римские гарнизоны и правители покидали земли, которые их предки занимали с начала тысячелетия. Власть империи в Британии в 409–410 гг. пошатнулась и больше не восстановилась. Нестабильность, вызванная внезапным выходом Британии из всеевропейского имперского союза, заставляла знатных людей, таких как Аврелий Урсицин и Юлиана, собирать свои богатства и закапывать их в землю, создавая своего рода финансовый тайник (совершенно непреднамеренно превратившийся в блестящую капсулу времени, запечатлевшую дух конца эпохи). К концу V в.

¹³ Здесь и далее «Римская история» Аммиана Марцеллина цит. в переводе Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. – Прим. перев.

¹⁴ Hamilton, Walter (trans.), Wallace-Hadrill (intro.). *Ammianus Marcellinus. The Later Roman Empire (A.D. 354–378)* (London, 1986), p. 45–46.

¹⁵ Преемственность концепции вечного Рима исчерпывающим образом подытоживает Pratt, Kenneth J. 'Rome as Eternal', *Journal of the History of Ideas* 26 (1965), p. 25–44.

¹⁶ Здесь и далее «Энеида» Вергилия цит. в переводе С. А. Ошерова. – Прим. перев.

¹⁷ West, David (trans. and ed.). *Virgil. The Aeneid* (revd. edn.) (London: 2003), 1.279, p. 11.

¹⁸ Здесь и далее «История Рима от основания города» Тита Ливия цит. в переводе Н. А. Поздняковой. – Прим. перев.

¹⁹ De Sélincourt, Aubrey (trans.). *Livy. The Early History of Rome* (revd. edn.), (London: 2002), p. 122.

²⁰ *Ammianus Marcellinus*, p. 46.

Римская империя на западе пала. Это был, как писал великий историк XVIII в. Эдуард Гиббон, «переворот, который будут помнить вечно и до сих пор ощущают на себе народы земли»²¹.

Закат и падение Западной Римской империи – исторический феномен, волновавший историков на протяжении многих веков. Наследие Рима остается с нами по сей день, отраженное в языках, окружающем ландшафте, законах и культуре. И если Рим продолжает говорить с нами даже в XXI в., то в Средние века, описанию и изучению которых посвящена эта книга, его голос звучал еще яснее. О закате Римской империи мы подробно поговорим в следующей главе. А сейчас нам предстоит обратиться к ее подъему (точнее, к тому, каким образом империя явилась из кокона республики) на рубеже первого тысячелетия, и увидеть, что происходило на ее землях непосредственно перед наступлением Средних веков. Чтобы должным образом изучить средневековый Запад, мы должны сначала спросить, каким образом вечному Риму (*Roma aeterna*) удалось выстроить империю, распространившуюся на три континента, объединившую в себе бесчисленное множество народов, огромное разнообразие религий и верований и столь же богатую палитру языков, – империю, в которой были и кочевые племена, и крестьяне-земледельцы, и столичная знать, – империю, простиравшуюся от центров античной культуры до краев известного мира.

Климат и завоевания

Римляне любили повторять, что пользуются особой благосклонностью богов. Действительно, им почти всегда очень везло с погодой. В 200–150 гг. до н. э., в период расцвета Римской республики и Римской империи, на западе царил мягкий благоприятный климат. Почти четыреста лет не случалось крупных извержений вулканов, из-за которых температура время от времени понижалась на всем земном шаре. Кроме того, этот период отличался высокой и стабильной солнечной активностью²². Западная Европа и обширные территории в окрестностях Средиземного моря пережили цикл необычно теплых, влажных и исключительно благоприятных во всех смыслах десятилетий²³. Условия для растений и животных были прекрасные: по лесам, покрывающим Атласские горы, бродили слоны; виноградники и оливковые рощи выращивали дальше к северу, чем когда-либо на памяти живущих. Участки земли, которые в другие эпохи оставались бесплодными и не поддавались плугу, в это время можно было возделывать, а урожайность традиционно плодородных земель заметно возросла. Эти годы благоденствия, когда природа была готова щедро вознаграждать любую цивилизацию, решившую воспользоваться открывшимися возможностями, сейчас иногда называют Римским климатическим оптимумом (РКО), или Римским теплым периодом.

Рим официально стал империей 16 января 27 г. до н. э., когда сенат присвоил приемному сыну Юлия Цезаря, Октавиану, почетное имя Август. До этого республику двадцать лет терзали кровопролитные гражданские войны. В ходе этих событий в 49 г. до н. э. Цезарь захватил власть и начал править как военный диктатор. Однако Цезарь-самодержец не только был рожден своим временем, но одновременно опережал его и был убит 15 марта 44 г. до н. э. (в Мартовские иды). Как заметил ученый и бюрократ Светоний (ок. 70–130), такова была награда за его необузданное честолюбие, в котором многие римляне усматривали желание возродить монархию. «Привычка к власти поработила Цезаря», – писал Светоний. Он пересказывает слух, что в молодости Цезарь якобы видел сон, в котором изнасиловал собственную

---

²¹ Gibbon, Edward. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: Abridged Edition* (London: 2000), p. 9.

²² Лучший пример того, как вулканическая активность вызывает политические и социальные кризисы во всем мире, – извержение вулкана Тамбора в Индонезии в апреле 1815 г. См.: Oppenheimer, Clive. 'Climatic, environmental and human consequences of the largest known historic eruption: Tambora volcano (Indonesia) 1815', *Progress in Physical Geography: Earth and Environment* 27 (2003), p. 230–259.

²³ Ibid., p. 44–49.

мать; предсказатели истолковали это как явный знак, что «сон предвещает ему власть над всем миром»²⁴²⁵.

Если уделом Цезаря была слава, то уделом Октавиана – истинное величие. У него на лице словно было написано «империя»: легкая небрежность облика лишь подчеркивала магнетическую красоту его светлых глаз и правильных черт, и можно было решить, что он совершенно лишен тщеславия, если бы не тот факт, что он носил обувь на высокой подошве, стремясь казаться выше своего естественного роста (около 170 см)²⁶. Октавиан добился успеха там, где его не добился Цезарь, отомстил за смерть приемного отца и победил врагов в битве и в конце концов стал единственным бесспорным правителем Рима. Став Августом, он сосредоточил в своих руках все политические полномочия, предусмотрительно рассредоточенные при республике, и по сути одновременно играл роль сенатора, консула и трибуна, верховного жреца (*pontifex maximus*) и главнокомандующего. Что касается его характера, мнения римлян разделились. Был он возвышенным провидцем и несравненным воином и политиком или же растленным, кровожадным, вероломным тираном, спрашивал историк Тацит (ок. 58–116), не указывая, впрочем, к какому суждению склоняется сам²⁷. Впрочем, достижения Октавиана как императора (или первого гражданина, *Princeps civitatis*²⁸ – он предпочитал это именование) не вызывают сомнений. Придя к власти, он затоптал тлеющие угли гражданской войны, истощившей силы погибшей республики. Затеянное им грандиозное строительство изменило облик Рима: при нем завершили постройки, начатые еще при Цезаре, и по его распоряжению возвели множество других. Марсово поле площадью около 250 гектаров с множеством храмов и памятников основательно перестроили. Появились новые театры, акведуки и дороги. В ход шли только лучшие строительные материалы: на смертном одре Август хвастал, что он принял Рим одетым в кирпич, но оставил его облаченным в мрамор²⁹. Он осуществил радикальную реформу правления, сократив полномочия сената и сосредоточив власть в своих руках, и поощрял культ императора, при его преемниках дошедший до такой степени, что некоторых императоров стали почитать как полубогов.

---

²⁴ Здесь и далее «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла цит. в переводе М. Л. Гаспарова. – *Прим. перев.*

²⁵ Graves, Robert (trans.), Rives, J. B. (rev. and intro). *Suetonius. The Twelve Caesars* (London, 2007), p. 15.

²⁶ Описание внешности по Светонию, *ibid.*, p. 88–89.

²⁷ Church, Alfred John, Brodribb, Jackson, William (trans.), Lane Fox, Robin (intro.). *Tacitus. Annals and Histories* (New York: 2009), p. 9–10.

²⁸ Первые 300 с небольшим лет существования Римской империи нередко называют принципатом, по тому титулу, который предпочитал Август.

²⁹ Graves. *Suetonius. Twelve Caesars*, p. 59

К смерти Октавиана, скончавшегося 19 августа 14 г. в почтенном семидесятипятилетнем возрасте, Римская империя была значительно расширена, умиротворена и обновлена масштабными реформами. Хотя Британия по-прежнему оставалась нетронутыми дебрями (Цезарь, побывав там в 55–54 гг. до н. э., ужаснулся перспективам, которыми грозило серьезное вторжение, и его приемный сын тоже решил оставить бриттов в покое), в состав ранней Римской империи входили Апеннинский и Пиренейский полуострова, Галлия (современная Франция), трансальпийская Европа вплоть до Дуная, большая часть Балкан и Малой Азии, солидный кусок левантийского побережья от Антиохии на севере до Газы на юге, богатейшая провинция Египет, завоеванная Октавианом в знаменитой войне против последней правительницы из династии Птолемеев Клеопатры и ее возлюбленного Марка Антония, а также значительная часть Северной Африки, на западе доходившая до Нумидии (современный Алжир). Кроме того, была подготовлена почва для дальнейшего расширения в следующем столетии.

Рим был единственной в истории державой, которой принадлежало все побережье Средиземного моря, а также огромные территории, простирающиеся на многие мили вглубь суши. На пике могущества при Траяне (пр. 98–117), завоевавшем Дакию (современная Румыния), площадь империи от Адрианова вала до берегов Тигра составляла около 5 млн кв. км. Четверть всего населения Земли жила под властью Рима. Это был не просто огромный конгломерат захваченных империей земель – все они были реорганизованы и несли на себе характерный отпечаток римской цивилизации. В апогее имперского развития Рим представлял собой колоссальную централизованную державу, свирепо охранявшую свои границы, эффективно управляемую (хотя вряд ли отличавшуюся свободой и терпимостью), технически развитую и оплетенную сетью исправно работающих внутренних и внешних связей.

«Создав пустыню, они говорят, что принесли мир»

Что же особенного было в Римской империи? Первой и самой поразительной, на взгляд постороннего, особенностью была колоссальная, несокрушимая военная мощь Рима. Военская культура тесно сплеталась с политикой. Избрание на гражданские должности во времена республики более или менее зависело от прохождения военной службы, а получение поста военного командующего, в свою очередь, зависело от политической деятельности. Неудивительно, что многие великие достижения в истории Рима завоевывались на полях сражений. Государственный аппарат опирался на профессиональную регулярную армию и в немалой степени существовал для ее обслуживания. В конце правления Октавиана Августа в армии насчитывалось около 250 000 человек, а на пике своего развития в начале III в. она могла выставить 450 000 человек со всех концов империи. Легионы по 5000 тяжелых пехотинцев из числа римских граждан были усилены вспомогательными отрядами (*auxilia*) из представителей многочисленного не имеющего гражданских прав населения империи и наемниками (*numeri*), набранными из варварских войск за пределами империи. Как мы увидим далее, в последние годы империи варварский контингент занял в римской армии господствующее положение. На флоте служило еще 50 000 человек. Содержание этих сил, рассредоточенных на огромной территории от Северного до Каспийского моря, поглощало ежегодно 2–4 % всего ВВП империи. На оборону уходило более половины государственного бюджета³⁰. Были времена, когда римская военная мощь, напротив, становилась помехой гармоничному существованию империи – так случилось в последние дни республики в I в. до н. э. и при череде бесславных императоров в эпоху так называемого кризиса III в. Однако без римской армии никакой империи не было бы вовсе.

«Римлянин! Ты научись народами править державно. В этом искусство твое! – налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных!» – писал Вергилий (70–19 до н. э.)³¹. Армия Римской империи превосходила размерами, скоростью передвижения, технической подготовкой, тактикой и дисциплиной любую другую армию того времени. Именно поэтому она могла достигнуть обозначенной Вергилием высокой цели³².

Обыкновенно римский солдат нанимался на службу на срок не менее десяти лет. До III в. прослужившим 25 лет во вспомогательных войсках давали в награду полное римское гражданство³³. В армии регулярно платили разумное жалованье, и, кроме того, открывалось множество карьерных возможностей. Помимо пехоты, обученной владеть коротким мечом, выгнутым ростовым щитом и метательным копьем, в римской армии были всадники, артиллеристы, медики, музыканты, писцы и инженеры. Существовала развитая культура поощрения и чествования за выдающиеся заслуги, однако ее оборотной стороной была крайне жесткая дисциплина: провинившихся лишали пищи, наказывали плетью, иногда могли казнить без

³⁰ Для сравнения: когда я пишу эти строки, крупнейший в мире оборонный бюджет имеют Соединенные Штаты Америки. В процентах ВВП американские военные расходы не слишком отличаются от расходов Римской империи и составляют около 3,1 %. Но, хотя на дроны, танки и личный состав уходят действительно огромные деньги, 3,1 % американского ВВП равняется примерно 15 % годового федерального бюджета. Другими словами, римские императоры тратили на свою армию в 3–4 раза больше наличного дохода, чем современные американские президенты. Что касается быстрого развертывания и потенциала эскалации конфликта – так сказать, возможности ввязаться с гранатометом в кулачную драку, – современные США занимают в мире такое же положение, какое занимала Римская империя в I в. Обычно с ними предпочитают не связываться.

³¹ *Aeneid*, VI. 851–854. Этот перевод: West, Virgil. *The Aeneid* p. 138.

³² Большинство территорий было завоевано в эпоху республики, свидетелем кризиса и гибели которой стал Вергилий. Римская империя завоевала сравнительно немного: южную часть Британии при Клавдии и Дакию при Траяне. – *Прим. науч. ред.*

³³ В 212 г. император Каракалла даровал гражданство всем лично свободным жителям империи, что фактически зафиксировало их подданство и обесценило правовой статус гражданина. – *Прим. науч. ред.*

суда и следствия. По данным греческого автора Полибия, в подробностях описавшего историю Рима во II в. до н. э., солдат, не сумевших выстоять в битве, могли подвергнуть наказанию под названием *fustuarium supplicum*, когда товарищи сообща забивали их палками или камнями³⁴. В случае массового поражения или неповиновения легион мог быть подвергнут децимации: каждого десятого солдата, выбранного по жребию, забивали до смерти свои же товарищи.

Во времена республики легионы утвердили владычество Рима в Средиземноморье, выиграв ряд эпохальных войн и победив македонян, Селевкидов и (это был, пожалуй, самый известный их триумф) карфагенян. Великий карфагенский полководец Ганнибал в 218 г. до н. э. переправил через Альпы войско с боевыми слонами, но так и не сумел прикончить республику, несмотря на то что в 216 г. до н. э. в битве при Каннах ему удалось разгромить самую крупную римскую армию за всю историю. Следующим поколениям карфагенян предстояло горько оплакать неудачу Ганнибала: римляне ответили на дерзкий вызов Третьей Пунической войной и уничтожением в 146 г. до н. э. их древней столицы Карфагена. В том же году уже на другом театре военных действий был разграблен и стерт с лица земли древнегреческий город Коринф. В совокупности эти войны продемонстрировали долгосрочное превосходство армий Рима, сохранявшееся до эпохи империи. Опыт столкновения с римской армией в полевых условиях был, мягко говоря, незабываемым. Приведем далее для примера всего один эпизод из I в., когда имперская армия открыто продемонстрировала силу во время завоевания Британии.

В 55 и 54 гг. до н. э. Юлий Цезарь совершил первые разведывательные экспедиции в Британию. Плодородные сельскохозяйственные земли юго-востока и богатые оловом, медью, свинцом, серебром и золотом рудники Британских островов представлялись привлекательной добычей. Кроме того, именно сюда обычно бежали мятежники из Галлии, спасаясь от римской власти. Наконец, завоевать архипелаг, лежавший на самом краю известного мира, было просто престижно. В тот раз добиться успеха Цезарю помешали воинственность коренного населения островов и дурная погода. Однако еще через сто лет, в 43 г. н. э., в правление Клавдия, на британский берег высадились четыре легиона, и началась оккупационная война, которая продолжалась, то разгораясь, то угасая, почти полвека. Некоторые племена (например, *ицены*, восставшие в правление королевы-воительницы Боудикки в 60–61 гг.) были беспощадно истреблены. Другие заключили с римлянами соглашения. Жизнь британцев безвозвратно изменилась. Безжалостность, с которой имперская армия завоевала их и привела к покорности, составляла предмет особой гордости римлян. Тацит с некоторым сарказмом отразил эти настроения в знаменитой речи обреченного племенного вождя Галгака, готовившегося дать бой римской армии под командованием Гнея Юлия Агриколы (по стечению обстоятельств приходившегося Тациту тестем):

Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат – они алчны; если беден – спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством, и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и, создав пустыню, они говорят, что принесли мир³⁵³⁶.

Вскоре после того, как прозвучала эта речь, люди Галгака в беспорядке бежали, спасаясь от легионеров, вспомогательных частей и конников Агриколы. Это было, по словам Тацита, «величественное и вместе с тем страшное зрелище». Воины племени «в полном вооружении

³⁴ Waterfield, Robin (trans.). *Polybius. The Histories* (Oxford: 2010), p. 398–399.

³⁵ Здесь и далее «Жизнеописание Юлия Агриколы» Корнелия Тацита цит. в переводе А. С. Бобовича. – *Прим. перев.*

³⁶ *Tacitus / Annals and Histories*, p. 648.

целыми толпами убегали... Повсюду – оружие, трупы, обрубки тел и пропитавшаяся кровью земля». В ту ночь римская армия торжествовала, а «британцы, – мужчины и женщины, – бродя по окрестностям и оглашая их стенаниями, выносили раненых, призывали невредимых откликнуться, выбирали убежища, где бы укрыться, и сразу же их оставляли... Повсюду немое безмолвие, пустынные холмы, дымящиеся вдалеке строения»³⁷. Галгак с абсолютной точностью предсказал судьбу своих товарищей и одновременно описал опыт, выпавший на долю многих других племен, веками обитавших на границах Римской империи. Даже когда легионы попадали в засаду или терпели поражение, как это время от времени случалось в Британии, Галлии, Германии, Дакии, Палестине и других землях, этих потерь почти никогда не было достаточно, чтобы положить конец римскому присутствию. В основе римского военного господства лежала способность империи выдерживать поражения, обострять конфликты и безжалостно мстить: Рим проиграл много сражений, но крайне мало войн.

Вместе с тем римская армия одержала много побед, в которых мечи не покидали ножен, копья не взлетали в воздух, и на землю не проливалась кровь. Слава могущественной и несокрушимой армии тогда, как и во все времена, давала одно неоспоримое преимущество – возможность выиграть бой без боя. Сила римской армии проявлялась не только на поле сражения – она действовала на потенциальных соперников как весомый сдерживающий фактор. Поскольку ни одна другая держава в западном мире не могла похвастаться такой же военной мощью, римские императоры охотно использовали этот факт как политический инструмент, чтобы заставить соперников подчиниться³⁸. Этот урок по достоинству оценили многие сверхдержавы в мировой истории.

Золотой век римской военной мощи пришелся на двести лет после воцарения Октавиана Августа в 27 г. до н. э. Эту эпоху называли *Pax Romana* – то были годы, когда Рим мог предложить всем живущим под его эгидой исключительные (по меркам того времени) стабильность, мир и процветание. Это стало возможным, потому что все римские подданные так или иначе коллективно платили, чтобы их защищала самая опасная армия на земле. После смерти императора-философа Марка Аврелия в 180 г. *Pax Romana* начал ветшать и распадаться. В III в. империю на несколько десятилетий охватил кризис – за это время она раскололась на три блока, успела повидать несколько дюжин императоров и едва не рухнула окончательно. Все это не лучшим образом сказалось на состоянии и духе римских воинов. Тем не менее в IV – начале V в. римляне по-прежнему гордились своей армией. Стоя у границ империи (*limes*), она защищала окраины цивилизации от вторжения варварских народов. Благодаря ей, несмотря на противоречия и кризисы, борьбу за власть и внутренние распри, империя прочно стояла на ногах.

Итак, в период расцвета Рим был военной державой, не имеющей себе равных, способной сокрушить любого другого игрока на поле. Даже после кризиса III в., когда Риму доставляли серьезные неприятности персидское государство Сасанидов на востоке и варвары на западе, он оставался грозной силой. И все же не только подавляющая военная мощь и размах отличали Рим от других более или менее современных ему сверхдержав античного мира. В IV в. до н. э. Македонская империя Александра Великого простиралась от Ионических островов в Центральном Средиземноморье до Гималаев. Сравнимую территорию занимали персидские империи древности. На рубеже I–II вв. китайская Восточная Хань занимала территорию площадью около 6,5 млн кв. км, которую населяли 60 млн человек. Господствующее положение в Средиземноморье Риму обеспечил тот факт, что одновременно с подавляющей военной мощью в нем развивался сложный гражданский аппарат, усовершенствованная сеть социальных, правовых

³⁷ Ibid., p. 653–654.

³⁸ Luttwak, Edward N. *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A. D. to the Third* (Baltimore/London: 1976), p. 3.

и культурных механизмов, которые римляне по умолчанию считали безоговорочным благом. Насколько они были правы, спорный вопрос – сегодня мы вполне можем усомниться в добродетелях общества, где резко ограничивали в правах миллионы женщин и бедняков, жестоко преследовали несогласных, превозносили кровавые виды спорта и иные формы гражданского насилия и само существование которого опиралось на массовое рабство. Тем не менее римский образ жизни был в высшей степени пригоден для экспорта и оставлял глубокие, часто неизгладимые следы всюду, где появлялся.

Граждане и чужаки

Через несколько лет после того, как император Клавдий отправил своих слонов в Британию, чтобы покорить племена, живущие на краю известного мира, он стоял в сенате перед возмущенно шумевшей группой римских сановников. Шел 48 г., и на повестке дня стоял вопрос, следует ли разрешить самым богатым и уважаемым гражданам римских провинций в Галлии избираться в сенат. Клавдий – слабосильный и близорукий, но блестяще образованный внук Октавиана, по стечению обстоятельств родившийся как раз в Галлии, в Лионе (Лугдунуме), – считал, что именно так и должно быть. В доказательство своей правоты он призвал сенаторов вспомнить древнюю историю Рима, а именно те дни, когда основателю и первому царю Ромулу наследовал сабинянин Нума Помпилий. Рим, утверждал Клавдий, всегда вбирал в себя достойнейших чужаков. «По моему мнению, провинциалов не стоит отвергать до тех пор, пока они будут служить к чести сената», – сказал он.

Далеко не все сенаторы готовы были с этим согласиться. Некоторые с пеной у рта доказывали, что добровольно «оказаться как бы в плену у толпы чужеземцев» – позор для Рима, особенно если учесть, что упомянутые чужеземцы, галлы, когда-то пролили немало крови, ожесточенно сопротивляясь римскому завоеванию³⁹. В сердце этого спора лежали два извечных нерешенных вопроса, не дававшие покоя правителям могущественных держав с начала времен и до наших дней: первый – каким образом государству следует реабилитировать своих бывших врагов, и второй – укрепляет или, наоборот, ослабляет характер государства и общества вливание чужеземной крови. Этот спор не утихал в столетия имперского господства Рима и продолжался в Средние века и намного позднее.

Выступая перед сенаторами в 48 г., Клавдий хорошо подготовился. В ответ на высказанные подозрения о неблагонадежности галлов, которые целых десять лет противились Юлию Цезарю, он предложил вспомнить, что после этого они сто лет хранили верность Риму и не изменили своему слову, даже когда Рим был в серьезной опасности: «...если припомнить все войны, которые мы вели, то окажется, что ни одной из них мы не завершили в более краткий срок, чем войну с галлами; и с того времени у нас с ними нерушимый и прочный мир». В ответ на более общие возражения по поводу уравнивания в правах римлян и неримлян он привел слушателям в пример древних греков: «Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь оставалась непоколебленной, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те – чужестранцы?» В конце концов сенаторы согласились, убежденные (или напуганные) настойчивостью императора. С этого времени галлы могли не только получить римское гражданство, но и претендовать на высшие политические посты в империи.

Разница между гражданами и всеми остальными людьми составляла одно из важнейших социальных различий в Риме – в самом городе, на Апеннинском полуострове и в конечном итоге на всех огромных территориях, завоеванных римской армией. Римское общество было одержимо рангами и иерархиями – нюансы статуса крайне серьезно воспринимали и в выс-

---

³⁹ Полный текст речи Клавдия на бронзовой таблице хранится в городе Лионе. Подробно о ходе заседания, в том числе о недовольстве сенаторов, см. в: *Tacitus / Annals and Histories*, p. 222–224.

ших классах сенаторов и всадников (эквитов), и в среднем классе плебеев, и даже в низшем классе безземельных бедняков, которых называли пролетариями. Однако самое большое значение имело гражданство. Быть гражданином Рима значило быть свободным в самом глубоком смысле слова. Мужчинам гражданство давало завидный набор прав и обязанностей: они могли голосовать, занимать политические посты, обращаться в суд, чтобы защитить себя и свою собственность, носить тогу во время церемониальных мероприятий, служить в легионах, а не во вспомогательных войсках, требовать освобождения от некоторых налогов. Кроме того, к ним не могли быть применены телесные наказания и смертная казнь, включая порку, пытки и распятие. Гражданство распространялось не только на мужчин: хотя женщины не имели многих прав, римские гражданки могли передать статус своим детям и в целом имели больше шансов на комфортную и изобильную жизнь. Статус гражданина представлял большую ценность, и именно поэтому римское государство предлагало его в качестве соблазнительной награды для воинов вспомогательных отрядов, отслуживших четверть века в римской армии, и для безропотно служивших рабов, которые знали, что, если хозяин освободит их, они как вольноотпущенники тоже смогут претендовать на ограниченное гражданство. Лишение гражданства – наказание за крайне серьезные преступления, такие как убийство или изготовление фальшивых денег – было чем-то вроде юридического четвертования, социальной казни.

Продвигая концепцию юридических и социальных привилегий, Рим не изобрел ничего нового – граждане были в Древней Греции, в Карфагене и многих других средиземноморских государствах той эпохи. Уникальность Рима заключалась в том, каким образом он развивал и расширял концепцию гражданства на протяжении своей долгой истории, сохраняя при этом собственное имперское господство. Основная цель империи состояла в выкачивании богатств из провинций и перенаправлении их в Рим – в сущности, это была эксплуатация на грани вымогательства. Обещание гражданства (то есть доли в награбленном) обычно помогало привлечь на свою сторону знать завоеванных земель. Таким образом, в первые два века существования империи по мере расширения провинций гражданство постепенно получили многие статусные группы за пределами Италии. Знать и магистраты, отслужившие полный срок ауксиларии (вспомогательные войска), отставные чиновники и их освобожденные рабы – все они могли получить либо полное гражданство, либо одну из многочисленных ограниченных форм, дававших неполный, но весьма желанный пакет прав⁴⁰. В 212 г. император Каракалла завершил то, что начал Клавдий, издав эдикт, разрешавший всем свободным жителям провинций претендовать на ту или иную форму гражданства. Все население, объявил Каракалла, «должно разделить с ним радость победы. Этот эдикт послужит дальнейшему возвеличиванию римского народа»⁴¹.

Многие историки рассматривают эдикт Каракаллы (иногда называемый конституцией Антонина) как поворотный момент в истории империи, поскольку это решение пошатнуло самые основы имперской системы, снизив привлекательность военной службы для неримлян и лишив гражданство былого престижа. Возможно, это так, но верно и то, что открытое отношение к ассимиляции внутри империи было одним из важнейших исторических преимуществ Рима⁴². Римская система ценностей ставилась превыше всего, при этом свободно и без всяких ограничений допускалось, что люди могут иметь больше одной культурной идентичности.

⁴⁰ Сжатое обсуждение вопроса гражданства в контексте идентичности см. в: Woolf. *Rome: An Empire's Story*, p. 218–229; в контексте социальной иерархии: Garnsey, Peter, Saller, Richard. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. 2nd edn. (London/New York: 2014), p. 131–149.

⁴¹ Johnson, Allan Chester, Coleman-Norton, Paul R., Bourne, Frank Card (eds.). *Ancient Roman Statutes: A Translation With Introduction, Commentary, Glossary, and Index* (Austin: 1961), p. 226.

⁴² Открытым отношением к ассимиляции Римская империя превзошла даже Соединенные Штаты эпохи массовой иммиграции на рубеже XX в. С исторической точки зрения столь же непритязательное отношение к интеграции множества народов демонстрировала, пожалуй, только Монгольская империя в XII–XIII вв. (см. главу 9).

Римлянин не обязательно должен был родиться в окрестностях Семи холмов Вечного города: он мог быть североафриканцем или греком, галлом, немцем или британцем, испанцем или славянином. Даже императоры не всегда были этническими римлянами. Траян и Адриан были испанцами. Септимий Север, захвативший власть в 193 г. и всеми правдами и неправдами удерживавший ее до 211 г., родился в Ливии (Лептис-Магна) – его отец был родом из Северной Африки, а мать из Сирии. Далее это афроарабское наследие перешло к его преемникам, династии Северов. Вторым императором из этой династии был не кто иной, как Каракалла. Таким образом, хотя у Каракаллы были веские политические причины издать в 212 г. свой эдикт – прежде всего его заботило расширение налоговой базы в тяжелое для государственной казны время, – возможно, будет не слишком большим анахронизмом предположить, что африканское происхождение императора повлияло на его образ мыслей.

Души на продажу

Если допустить, что личный опыт и африканское наследие повлияли на то, каким императором был Каракалла, придется признать, что в этом он был не одинок. За сто с лишним лет до его рождения Римом десять лет правил Веспасиан, основатель династии Флавиев. Веспасиан пришел к власти в 69 г., одержав победу в короткой, но жестокой гражданской войне, в ходе которой на троне за год сменилось четыре правителя⁴³. До того как стать императором, он некоторое время вел дела в Северной Африке. В те годы за ним закрепилось прозвище «погонщик мулов» – иносказательное обозначение работаровца. В этом качестве Веспасиан прославился тем, что кастрировал маленьких мальчиков, чтобы их можно было продать дороже как евнухов⁴⁴. Эта привычка принесла Веспасиану некоторую известность, хотя отнюдь не такую обширную, как могло быть в другую историческую эпоху. Рабовладение и повседневная жестокость по отношению к поработленным людям в Риме не просто часто встречались. Они были распространены повсеместно.

Рабство было суровой реальностью жизни во всех уголках Древнего мира. Рабы – люди, считавшиеся собственностью, принуждаемые к труду, лишенные прав и социально «мертвые» – имелись практически во всех крупных державах того времени. В Китае эпохи Цинь, Хань и Синь существовали разные формы временного и постоянного рабства. Так же обстояло дело в Древнем Египте, Ассирии, Вавилонии и Индии⁴⁵. «А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас», – сказал Бог иудеям. Он просил их лишь воздерживаться от порабощения друг друга⁴⁶. Однако Рим был не таким, как все эти державы. В летописной истории есть лишь несколько примеров истинно рабовладельческих государств, в которых рабство пронизывало все аспекты существования общества и служило главной опорой экономики и культуры. Рим был одним из них⁴⁷.

Относительно того, сколько рабов было в Риме, историки не могут прийти к единому мнению, поскольку на этот счет нет никаких достоверных письменных свидетельств. По приблизительным оценкам, во времена Октавиана Августа на Апеннинском полуострове насчитывалось примерно 2 млн рабов, составлявших, вероятно, около четверти местного населения, но в провинциях их было гораздо больше⁴⁸. Рабов можно было встретить где угодно, они испол-

⁴³ Год четырех императоров: это были Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан.

⁴⁴ Bodel, John. 'Caveat emptor: Towards a Study of Roman Slave Traders', *Journal of Roman Archaeology* 18 (2005), p. 184.

⁴⁵ О римском рабстве в общемировом контексте см.: Hunt, Peter. 'Slavery'. in Benjamin, Craig (ed.). *The Cambridge World History vol. 4: A World with States, Empires and Networks, 1200BCE-900CE* (Cambridge: 2015), p. 76–100.

⁴⁶ *Книга Левит* 25:44.

⁴⁷ Кроме Рима историки обычно ставят в этот ряд Древнюю Грецию, Бразилию и Карибский бассейн в колониальную эпоху, а также Юг Соединенных Штатов до Гражданской войны.

⁴⁸ Hornblower, Simon, Spawforth, Anthony, Eidinow, Esther (eds.). *The Oxford Classical Dictionary* (4th ed.) (Oxford: 2012), p.

няли в обществе все мыслимые роли (за исключением правящей). Они трудились на масштабном сельскохозяйственном производстве в крупных поместьях-латифундиях и в небольших усадьбах, где крестьянская семья могла владеть одним или несколькими рабами. В домах богатых римлян служили десятки и даже сотни рабов – уборщики, повара, пекари, прислуга за столом, привратники, прачки, кормилицы, няни, садовники, охранники, сторожа, учителя, писцы, музыканты, декламаторы стихов, танцовщицы, наложницы или просто невольницы для утех.

Жизнь некоторых рабов, трудившихся в богатых домах и имевших возможность в среднем или пожилом возрасте выкупиться на свободу, могла быть комфортной и даже роскошной. В Помпеях, погибших под слоем вулканического пепла в 79 г., найден принадлежавший одной рабыне прекрасный золотой браслет, выполненный в виде змеи (традиционное животное-защитник) с надписью: «Господин – своей рабыне» (DOM[I]NUS ANCILLAE SUAE). Однако далеко не каждый раб мог рассчитывать на дорогие подарки, способные более или менее примирить его с тем, что он был не человеком, а движимым имуществом. Пример прямо противоположного рабского «украшения» – так называемый ошейник Зонины, датируемый IV или V в. и сегодня выставленный в Термах Диоклетиана в Риме. К грубо выкованному железному обручу прикреплен массивная (и, вероятно, доставлявшая много неудобств) подвеска наподобие современного собачьего жетона. Надпись на подвеске сообщала каждому, кто мог заметить идущего в одиночестве человека в ошейнике, что это беглый раб. В награду за возвращение раба хозяин обещал уплатить одну золотую монету – солид⁴⁹.

Люди, проданные в рабство или родившиеся несвободными, по сути, низводились до положения выючных животных. Мы не знаем и не можем знать, каково на самом деле жилось римским рабам, поскольку они не оставили никаких сообщений о том, как выглядела их жизнь изнутри. Все, что нам известно о рабстве в другие периоды истории человечества, говорит, что это состояние обычно подразумевало годы лишений, притеснений и всех видов дурного обращения, от просто грубого до совершенно бесчеловечного. На африканских зерновых мельницах и в испанских рудниках рабы трудились в ужасающих, нередко опасных для жизни условиях. В романе Апулея «Золотой осел, или Метаморфозы», написанном во II в., есть несколько гротескных эпизодов, связанных с тяготами рабской жизни. Хотя все сцены из жизни рабов в книге вымышлены, а повествование временами принимает фантастический, непристойный и сатирический оборот, произведение Апулея дает представление об истинной мрачной природе рабства. В начале истории главный герой заводит взаимно приятный роман с миловидной домашней рабыней своего друга, а позднее встречает группу работающих на мельнице несостоятельных должников: «Кожа у всех была испещрена синяками, драные лохмотья скорее бросали тень на исполосованные спины, чем прикрывали их, у некоторых короткая одежонка до паха едва доходила, туники у всех такие, что тело через тряпье сквозит, лбы клейменные, полголовы обрито, на ногах цепи, лица землистые, веки разъедены дымом и горячим паром, все подслеповаты...»^{50,51}

К тому времени, когда Апулей написал эти строки, римское общество уже полтысячи лет было рабовладельческим. Рабовладение стало важной опорой римской жизни во II в. до н. э., когда республика вступила в период быстрой экспансии в окрестностях Средиземного моря. Блестящие военные победы на Балканах, на островах Греции, в Северной Африке и в других областях приносили богатую добычу, в том числе возможность захватывать рабов. В такие годы, как 146 г. до н. э., когда были стерты в пыль Карфаген и Коринф, в империю стекались

1375.

⁴⁹ Trimble, Jennifer. 'The Zoninus Collar and the Archaeology of Roman Slavery', *American Journal of Archaeology* 120 (2016), p. 447–448.⁵⁰ Здесь и далее «Золотой осел, или Метаморфозы» Апулея цит. в переводе М. Кузмина. – Прим. перев.⁵¹ Kenney, E.J. (trans.). *Apuleius. The Golden Ass* (revd. edn.) (London: 2004), p. 153.

десятки тысяч пленников. Переправленные на другой берег моря, не имевшие возможности бежать на родину, рабы стали главной движущей силой быстрого экономического развития Рима. С ними республика (и позднее империя) получила множество бесплатных рабочих рук для строительства храмов, акведуков, дорог и прочих общественных сооружений и для работы в шахтах. Богатые римляне покупали рабов для обслуживания больших городских вилл и загородных латифундий или для собственного удобства и удовольствия. Привлекательность принудительного труда казалась очевидной. Рабов можно было эксплуатировать так усердно, как владельцы считали нужным, избивать так сильно, как они пожелают, содержать как свиней, разводить как скот, а позднее, когда они становились слишком старыми или больными для работы, отпустить на свободу или просто бросить на произвол судьбы. Увезенные за тысячи миль от родного дома, глубоко травмированные и, вероятно, поначалу даже неспособные объясняться на местном языке, они изменили своим присутствием Рим – город, республику и позднее империю.

По мере роста римской экспансии в эпоху империи в рабовладельческую систему оказались втянуты галлы, бритты, германцы и другие племена. Пираты, промышлявшие захватом рабов, были бичом всей Европы и Средиземноморья. Греческий историк и географ I в. до н. э. Страбон описал разбойников-работорговцев, которые терроризировали окрестности Армении и Сирии, захватывая мирных жителей с целью продажи. «В особенности побуждал к насилиям приносящий огромные выгоды вывоз рабов; ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко»⁵², – писал он. Речь шла о Делосе на Кикладских островах, где, по утверждению Страбона, ежедневно продавали до 10 000 человек, обреченных отныне жить, трудиться и умирать в чужих землях⁵³. Римское рабство по своей природе не было расистским (и это важное обстоятельство, отличающее его от рабства в Карибском бассейне или на американском Юге). Однако считалось само собой разумеющимся, что «варвары», проживавшие за границами империи, пригодны для порабощения намного больше, чем сами римляне. По мере расширения империи миллионы человек пострадали от чудовищного унижения человеческого достоинства. Это состояние исчерпывающим образом описал живший в IV в. ритор Либаний: «Раб есть тот, кто в какой-то момент будет принадлежать другому, тот, чье тело можно продать. Что может быть унижительнее... Ведь поистине, разве это тело не изувечено, а душа окончательно загублена?»⁵⁴

Тем не менее, несмотря на периодические восстания рабов (самым известным из которых было восстание Спартака в 73 г. до н. э.), систематически выступать за отмену рабовладения в Риме, по-видимому, никто не пытался. Лишь изредка предпринимались попытки защитить рабов от наиболее вопиющих злоупотреблений: Адриан (пр. 117–138) безуспешно пытался запретить работорговцам кастрировать африканских мальчиков, а Константин I (306–337) запретил практику татуировки лиц, очевидно имея в виду излишне усердных рабовладельцев. Однако пойти дальше и тем более представить себе мир вообще без рабов казалось абсурдом. С философской точки зрения рабство считалось неотъемлемой частью свободного общества – естественным явлением, без которого не могла существовать свобода истинного благородного римлянина. С экономической точки зрения все устройство Римской империи опиралось на массовое рабство, источником которого были все те же далеко протянутые разветвленные торговые сети, снабжавшие империю товарами первой необходимости и предметами роскоши. Рим был патриархальным обществом, и рабы занимали в нем низшую ступень – такова была их доля, и это не подлежало обсуждению. В общих чертах эту иерархию обрисовал христианский проповедник конца IV в. Иоанн Златоуст. Даже в доме бедняка, говорил он, «мужчина пове-

⁵² Здесь и далее «География» Страбона цит. в переводе Г. А. Стратановского. – *Прим. перев.*

⁵³ Jones, Horace Leonard (trans.). *The Geography of Strabo* vol. VI (Cambridge, Mass: 1929), p. 328–329.

⁵⁴ Этот перевод из: Harper, Kyle. *Slavery in the Late Roman World, AD 275–425* (Cambridge: 2011), p. 35–36

левать женой, жена повелевает рабами, рабы повелевают собственными женами, а кроме того, взрослые приказывают детям»⁵⁵. В Средние века масштабы рабства сократились, но на Западе оно было почти повсеместным. И даже в тех местах, где рабство на первый взгляд исчезло, важной опорой экономики и культуры нередко оставалось крепостное право – система принудительного прикрепления людей к земле. Это было не совсем то же, что бесправный рабский труд, хотя вовлеченным в эту систему людям разница наверняка казалась крайне незначительной. Приверженность западного мира к рабству объяснялась не в последнюю очередь тем, что рабство составляло неотъемлемую часть громогласной славы Рима.

Романизация

Распространение рабства и римского гражданства в провинциях было далеко не единственным сохранившимся до Средних веков воспоминанием о Риме. Кроме очевидных средств влияния – легионов и институтов власти, – Рим был носителем мощного культурного бренда. Практически везде, куда приходили римляне, законы, языки и окружающий ландшафт вскоре приобретали характерный «римский» оттенок. Начиная с IV в. то же можно сказать о религии: империя стала мощным средством распространения христианства – первой из двух появившихся в первом тысячелетии великих монотеистических религий.

Это был далеко не равномерный процесс, и смешение римских обычаев с местными традициями Пиренейского полуострова, Северной Африки, Галлии, Британии, Балкан, Греции и Леванта (и многих других областей) породило широкий спектр существующих под знаменем империи самобытных субкультур. Следует отметить, что романизация затрагивала правящие классы провинций намного больше, чем простой народ, и была сосредоточена прежде всего в городах, а не в сельской местности. Но, несмотря на эти оговорки, экспорт римских институтов власти, ценностей, технологий и мировоззрения играл крайне важную роль в столетия после распада империи. Рим представлял собой пронизанную разветвленными сетями сверхдержаву, разношерстных жителей которой соединяли построенные по последнему слову инженерной науки дороги, эффективно регулируемые морские пути и простирающиеся до концов известного мира торговые маршруты. Однако империю связывали в единое целое не только эти физические нити. Кроме них были культурные константы, благодаря которым римский отпечаток мог существовать и оставаться узнаваемым еще десятки лет на территории в миллионы квадратных километров. Чувство общности сохранялось в бывших римских владениях еще долгое время после того, как империя прекратила свое существование.

Состоятельный путешественник, прибывший в совершенно незнакомый город на территории империи где-то в IV в., довольно хорошо представлял себе, что может ожидать его на этом новом месте. Городские улицы всегда пересекались под прямым углом. В богатых кварталах во дворах обширных вилл, принадлежавших самым состоятельным жителям, по вечерам горели факелы. В прекрасных домах из кирпича или камня под полом прятались обогревающие системы, чистую воду доставлял водопровод, а декор стен в характерном средиземноморском стиле отсылал к античной Греции и Древнему Риму. Ближе к центру города на открытом пространстве форума располагался рынок и множество официальных зданий – государственные канцелярии, лавки, храмы разных богов. На рынке продавали товары, доставленные со всех концов империи и из-за ее пределов: вино, масло, перец и другие специи, соль, зерно, меха, изделия из керамики, стекла и драгоценных металлов. Расплачивались за них общими для всей империи золотыми, серебряными или бронзовыми монетами, обычно с изображением римского императора. В городах можно было увидеть передовые системы водоснабжения и

---

⁵⁵ Harper. *Slavery in the Late Roman World*, p. 33.

канализации (а также почувствовать их запах). Пресная вода поступала в город по акведукам, общественные уборные соединялись с городской канализационной системой. Позаботиться о чистоте и гигиене или просто отдохнуть позволяли общественные бани: в обширных римских термах в Бате (Аква-Сулис), Трире (Августа-Треверорум) и Бейруте (Беритус) имелись купальные камеры с водой разной температуры и завидный выбор расслабляющих процедур для тех, кто любил (и мог позволить себе) после омовения умаститься ароматными маслами.

В большом городе мог быть театр или арена для гонок на колесницах или кровавых гладиаторских состязаний. Конечно, она вряд ли могла сравниться с величественным римским Колизеем, открытым императором Титом в 80 г. и вмещавшим от 50 до 85 тысяч зрителей – точно так же, как бани в провинциальном городе не могли соперничать с грандиозными Термами Диоклетиана, открытыми для публики около 306 г. Помимо характерных римских элементов – стройных колонн и разноцветных мозаик, – в архитектуре каждого большого и малого города империи находили отражение свойственные данной местности стили. Важно отметить, что признаки римского влияния в повседневной жизни резко сокращались за пределами городов. Рим был преимущественно городской империей, и в сельских районах римские порядки и нововведения ощущались намного слабее. В любом случае у всех общественных построек и сооружений на территории империи была одна общая цель – организовывать и поддерживать течение гражданской жизни. По этой причине мужчины и женщины, приходившие в эти места работать, поклоняться богам или просто общаться, подтверждали свою связь с Римской империей всякий раз, когда проходили через двери.

Характерные признаки римской культуры в облике западных городов стали исчезать вскоре после политического распада империи. Однако в долгосрочной перспективе она не утратила своего значения: в эпоху Возрождения в XIV–XV вв. ее заново открыли и воспели как апогей развития цивилизации, к возвращению которого следовало по возможности стремиться. Кроме того, Рим оставил неизгладимый след еще в одной области – языковой. Общий язык оказался едва ли не самым долговечным наследием Рима и дошел не только до Средних веков, но и до сегодняшних студентов.

Официальным языком Римской империи была латынь. Однако это не значит, что все подданные империи от Антиохии до Сент-Олбанса разговаривали друг с другом эпиграммами Марциала. Классическая латынь великих римских поэтов, философов и историков имела для обычных повседневных разговоров не больше пользы, чем синтаксис и лексика шекспировских сонетов для трактирщика или пастуха в елизаветинской Англии. На востоке империи статус самого общеупотребительного, красивого и удобного языка у латыни оспаривал греческий, особенно после официального раздела империи в конце IV в. На западе латынь перенимали, адаптировали и скрещивали с местными языками – этот процесс в конечном итоге породил великие романские языки второго тысячелетия. Даже если латынь не была универсальным языком, она, несомненно, оставалась главным языком имперского делопроизводства и позволяла образованным римлянам во всех уголках империи объясняться друг с другом и косвенно сообщать о своем высоком статусе всем остальным.

Изучение латыни и навыков грамматики и риторики составляло основу образования знатного человека. Без практического знания языка невозможно было помышлять о политической или бюрократической карьере. В Средние века латынь стала незаменимым инструментом для священнослужителей, ректоров, ученых, юристов, судебных приставов, школьных учителей, знати и королей⁵⁶. Даже человеку, не имеющему полноценного классического образования, могло пригодиться немного подхваченной там и тут латыни. Граффити из южноитальянского Геркуланума (одного из двух городов, погибших во время извержения Везувия в 79 г.)

⁵⁶ Средневековая латынь сильно отличалась от классической латыни – до такой степени, что ее можно считать более или менее самостоятельным языком. Однако ее связь с римским наследием очевидна и не вызывает сомнений.

позволяют нам заглянуть в повседневную жизнь обычных римлян и прочесть их незатейливые мысли. В трактире рядом с общественными банями двое братьев написали: «Апеллес Мус и его брат Декстер с превеликим наслаждением дважды возлегли здесь с двумя девушками». В Помпеях на колонне рядом с гладиаторскими казармами один из обитателей оставил хвастливое послание: «Селад, фракийский гладиатор, – всех дев утех».

Но разумеется, латынь была нужна не только для того, чтобы хвастаться своей половой удачей и любовными победами. На практике латинский язык как *lingua franca*, долгое время продолжавший существовать и в Средние века, был в первую очередь связан с римским правом. Римляне гордились своим древним законодательством: так называемые Законы Двенадцати таблиц были записаны предположительно в V в. до н. э. В них были сведены воедино римские традиции и обычаи, касающиеся судопроизводства, долгов, наследования, семейных дел, землевладения, религиозных практик и серьезных преступлений, от убийства и государственной измены до кражи и лжесвидетельства. Законы Двенадцати таблиц почти тысячу лет оставались незыблемым фундаментом римского права.

Конечно, за эту тысячу лет римское право значительно развилось. Двенадцать таблиц со временем дополнили статуты и указы императоров и магистратов. Поколения ученых-юристов посвящали жизнь изучению разных областей права и высказывали профессиональное мнение по тем или иным вопросам. Возник огромный и сложный свод законов, в основном касающихся интересов сильных мира сего: недвижимости, материальных ценностей, права собственности, контрактов и торговли. Подавать в суд в Риме разрешалось только гражданам. Судебный процесс обычно проходил довольно зрелищно: в государственных судах председательствовали магистраты, а десять «судей» (которых мы сегодня назвали бы присяжными) выслушивали аргументы истцов и ответчиков – опытных ораторов, облаченных в парадные тоги. После этого судьи выносили вердикт с помощью табличек для голосования с буквами С (*condemno* – виновен) или А (*absolvo* – оправдан). Римляне, чьи имена хорошо известны нам и сегодня – например, Цицерон и Плиний Младший, – выступали в судах в качестве адвокатов и магистратов. В 70 г. до н. э. Цицерон произнес одну из своих знаменитых обвинительных речей (и позднее опубликовал еще несколько), в которой осуждал богатого коррумпированного магистрата Гая Верреса за жестокость и преступные злоупотребления в бытность его наместником Сицилии. Позже, в I – начале II в., Плиний возвысился и занимал при нескольких императорах самые высокие судебные должности. Его труды до сих пор дают нам возможность увидеть, как работали законы в золотой век Римской империи.

В наиболее чистой форме римское право существовало, разумеется, в самом Риме, но в эпоху империи римская правовая система в том или ином виде дошла до провинций. Наместники провинций приезжали в находившиеся в их ведении города и проводили выездные судебные заседания, во время которых заслушивали судебные споры и выносили решение, руководствуясь наиболее подходящим для данного дела сводом законов. Споры между римскими гражданами – например, поселившимися в провинции военными ветеранами – разбирались согласно римскому праву. Тяжбы между негражданами могли рассматривать согласно ранее существовавшим законам данной местности, что позволяло местной общине сохранять немаловажный элемент автономии⁵⁷. Одно из самых известных заявлений о римском праве сделал Цицерон в дни заката республики в I в. до н. э. «Не будет одного закона в Риме, а другого в Афинах, одного сейчас, а другого в будущем, – писал он, – но все народы во все времена будут подчиняться единому и вечному незыблемому закону»⁵⁸. Он выступал одновременно с прагматической и с философской точек зрения, но мы должны помнить, что Цицерон, один из

⁵⁷ Richardson, John. 'Roman Law in the Provinces', in Johnston, David (ed.). *The Cambridge Companion to Roman Law* (Cambridge: 2015), p. 52–53.

⁵⁸ Rudd, Niall (trans.). *Cicero / The Republic, and The Laws* (Oxford: 1998), p. 69.

самых знаменитых римлян своего времени, говорил в первую очередь о заботах других богатых и влиятельных граждан, а не о миллионах живших по всей империи простых людей, чье взаимодействие с законом обычно ограничивалось его нарушением и последующим суровым наказанием. И все же римское право оставило в истории глубокий и долговечный след. Оно процветало не только при республике, когда жил Цицерон, но и при империи. Его влияние сильнейшим образом ощущалось в Средние века и сохраняется даже в наше время. В этом отношении римское право очень похоже на латинский язык. Что касается его исторической долговечности, здесь будет уместно сравнить его с римской религией – во всяком случае, с той, которая начала распространяться по всей империи в IV в. Это было христианство.

От многих богов к одному богу

Первые 250 лет после жизни Христа Римская империя была отнюдь не лучшим местом для христианина. Римляне с давних пор увлеченно коллекционировали разнообразных богов, начиная с Олимпийского пантеона и заканчивая мистическими восточными культами. По этой причине поначалу странная иудейская секта, бережно хранившая память о сыне плотника, который устроил непродолжительный переполох в Иерусалиме при Понтии Пилате, не вызвала особенного энтузиазма. Первые поколения христиан были рассеяны по городам Средиземноморья и sporadически общались между собой, но не имели возможности увеличивать свою численность. Ревнители веры, такие как апостол Павел, путешествовали по городам и весям, проповедовали и писали ставшие позднее знаменитыми послания, обращенные ко всем, кто желал их слушать (и к некоторым из тех, кто этого вовсе не желал), рассказывая о чуде искупительной жертвы Христовой. Однако в империи, которая делала богов из всего, от Солнца и планет до собственных императоров, и без стеснения заимствовала религиозные обычаи завоеванных земель, такие люди, как Павел, никого не удивляли. При его жизни в I в. ничто не предвещало, что его вдохновенные странствия и послания смогут вложить имя Христово в сердца миллиардов людей на следующие две тысячи лет мировой истории. В 112 г. Плиний Младший писал императору Траяну о судебном расследовании, которое провел в Вифинии (современная Турция), получив жалобу на местных христиан. Подвергнув пыткам нескольких человек, в том числе молодых девушек, Плиний смог установить только, что они придерживаются «скверного... и сумасбродного суеверия», которое «распространяется как заразная болезнь»⁵⁹.

Хотя в те первые годы христиане время от времени подвергались подобным притеснениям, это не делало их особенными. Гонения обрушивались и на приверженцев других странных новых религий – например, манихеев, последователей учения жившего в III в. персидского пророка Мани. Примерно между рубежом III – серединой IV в. положение христианства изменилось. Во-первых, христиан начали воспринимать всерьез. Во-вторых, в середине III в. их начали массово преследовать. Планомерные гонения на христиан развернулись при Деции (пр. 249–251), которого оскорбил отказ совершать по его распоряжению языческие жертвоприношения ради блага империи во время кризиса III в. При Деции, а затем при Валериане (пр. 253–260) и Диоклетиане (пр. 284–305) христиан избивали плетью, сдирали с них кожу, бросали на растерзание диким зверям и предавали мученической смерти множеством других способов. Диоклетиан в особенности запомнился своими садистскими выходками, а его жестокость послужила богатым источником шокирующего материала для более поздних христианских писателей. Истории первых христианских мучеников собирал и записывал Евсевий Кесарийский. Приведем один вполне типичный для его сочинений отрывок (VIII.9.1–2):

⁵⁹ Radice, Betty (trans.). *The Letters of the Younger Pliny* (London: 1969), 10.96, 293–295.

Женщин, привязав за одну ногу, поднимали с помощью каких-то орудий в воздух головой вниз, совершенно обнаженных, ничем не прикрытых – зрелище для всех глядевших и позорнейшее, и по своей жестокости бесчеловечнейшее. Других привязывали к веткам деревьев: с помощью каких-то приспособлений две самые крепкие ветки притягивали одну к другой, привязывали к каждой ногу мученика; затем ветки отпускали, они принимали свое естественное положение, и человек был раздираем пополам⁶⁰.

В конце III в. несчастных приверженцев Христа истязали на дыбе, сдирали с них кожу, клеймили и сжигали заживо, и это была лишь малая часть постигших их ужасов. В начале IV в. положение христиан резко улучшилось. Сначала к ним стали относиться более терпимо, затем начали принимать и, наконец, их убеждения начали активно приветствовать. В начале V в., когда Римская империя на западе переживала окончательный упадок, христианство стало официальной религией империи. Его ждало блестящее будущее одной из главных мировых религий, и это произошло во многом благодаря императору Константину I.

Константин, родившийся в городе Нише (Наисс), стал императором в 306 г. Талантливый полководец, он находился в Йорке (Эборакум), когда умер его отец Констанций, так что именно в этом северном британском городе войска провозгласили Константина императором. К сожалению (или нет), это было время глубокого разброда и шатания в Римской империи, когда титул императора носили сразу четыре человека: учрежденная Диоклетианом тетрархия предполагала, что восточными и западными областями империи будут гармонично управлять в духе компромисса и сотрудничества две пары правителей. В действительности результатом этого решения, естественно, стала затяжная гражданская война. Однако именно она способствовала грандиозному успеху христианства. Осенью 312 г., когда Константин готовился к битве со своим соперником императором Максенцием у Мильвийского моста на реке Тибр, он взглянул на небо и увидел над солнцем пылающий крест и надпись на греческом: «Сим победиши» (Εν Τούτῳ Νίκα). Он истолковал это как послание от бога христиан – по-видимому, тогда этот бог больше интересовался сражениями и политикой, чем милосердием, прощением и примирением, о которых проповедовал его сын Иисус Христос. Так или иначе, в той битве Константин одержал решительную победу. Максенций утонул в Тибре и был посмертно обезглавлен. После этого Константин ликвидировал тетрархию и провозгласил себя единственным императором и единоличным правителем всей империи. С этих пор он щедро осыпал милостями христианских епископов и верующих. Его солдаты шли в бой с нарисованным на щитах знаком Христа. Чиновники по всей империи следили за исполнением нового эдикта императора, изданного в Милане в 313 г. и обещающего положить конец гонениям христиан. В Риме начали строить новые храмы, в том числе Латеранскую базилику и собор Святого Петра. В Иерусалиме возвели первый храм Гроба Господня, отмечавший то место, где был распят и погребен Христос. В Средние века широко распространился и приобрел большое значение слух, будто мать Константина Елена, побывав там в 327 г., нашла обломки Креста Христова. А в 330 г. Константин официально основал Константинополь, новую имперскую столицу на востоке в Византионе, или Византии (ныне Стамбул), и застроил ее монументальными христианскими соборами.

Теперь христианского бога привечали по всей империи, и если поначалу ему не позволяли возобладать над традиционными римскими божествами, вскоре он стал первым среди равных. На смертном одре Константин принял крещение. После него христианином не был только один римский император – Юлиан Отступник, правивший в 361–363 гг. В V в. христи-

⁶⁰ Цит. по: *Евсевий Кесарийский. Церковная история. Ввод. ст., коммент. И. В. Кривушина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. – Прим. науч. ред.*

⁶¹ Williamson, G.A. (trans.). *Eusebius / The History of the Church* (revd. edn.) (London: 1989), p. 265.

анство стало официальной религией империи, а императоры начали серьезнее относиться к его теологическим тонкостям, особенно когда дело касалось преследования еретиков и схизматиков. В свою очередь, христианство пережило первую волну романизации, приобрело явный воинственный оттенок, остановилось на латыни как языке толкования священных текстов, обзавелось сетью епархий-диоцезов (по иронии судьбы название заимствовали из нововведений Диоклетиана, некогда главного гонителя христиан, для удобства управления разделившего империю на светские диоцезы) и тягой к монументальной архитектуре и зрелищным ритуалам и – что, пожалуй, оказалось самым важным – разделилось на восточную и западную ветви, зеркально отразив разлад, определивший характер Римской империи от Константина и далее ⁶².

Вряд ли кто-то мог предугадать, что Константин, закаленный в боях полководец, станет тем человеком, который откроет для христианства дорогу к великому будущему. Его попытки проповедовать своим придворным, скорее всего, выглядели не слишком естественно и наверняка оставались безответными, а о причинах, побудивших его так внезапно и глубоко уверовать, до сих пор идут споры. Простые римляне еще не один десяток лет сочетали христианскую веру с любовью к старым богам и языческим ритуалам. И все же принятое Константином в начале IV в. решение имело неоспоримое значение. До него христиан преследовали, ненавидели и отправляли на корм диким зверям на аренах. После него христианство превратилось из непопулярного маргинального культа в центральную религию империи. И это было (пожалуй, здесь это слово вполне уместно) настоящее чудо.

Наследие

«Одно торопится стать, другое перестать», – писал философ-стоик и римский император Марк Аврелий (пр. 161–180) ^{63,64}. Если бы мы задались целью отыскать особые переломные моменты в истории империи, которой он правил, мы нашли бы множество подходящих вариантов. Одним из таких моментов был изданный в 212 г. эдикт Каракаллы, радикально расширивший гражданские права для жителей провинций. Другим стал кризис III в., когда Рим содрогнулся, раскололся, почти рухнул, а затем обрел новую форму. Третьим – правление Константина, когда Рим принял христианство, а новая столица, Константинополь, передвинула политический центр и само будущее империи с запада на восток Средиземноморья. И четвертым, как мы увидим в следующей главе, стало пришествие в 370 г. в Европу кочевых степных племен, разрушительным образом подействовавшее на римские государственные институты, границы и структуры власти.

Каким образом мы распределим ответственность за падение Римской империи между этими – и не только этими – факторами, не столь важно в контексте нашей истории. Важнее то, что на рубеже V в. переживающая период упадка Римская империя почти тысячу лет оставалась на западе крупной политической, культурной, религиозной и военной силой. Владельцы клада из Хоксне, примерно в это время зарывшие в землю свои сокровища, пользовались неограниченным доступом ко всем благам римского образа жизни: христианская вера, гражданство, городской комфорт, общий язык, власть закона и возможность свободно пользоваться всеми этими преимуществами за счет рабского труда. Такую же жизнь вели многие подобные им от Британии на западе до земель, граничивших с империей Сасанидов на востоке.

Но в начале V в. было совершенно неясно, как долго еще будет существовать римский образ жизни. Это могло показать только время. В некоторых регионах, особенно в древнегреческом Восточном Средиземноморье, Риму суждено было жить, обновившись, но не претерпев

⁶² MacCulloch, Diarmaid. *A History of Christianity* (London: 2009), p. 196.

⁶³ Здесь и далее «Размышления» Марка Аврелия цит. в переводе К. А. Гаврилова. – *Прим. перев.*

⁶⁴ Hammond, Martin (trans.). *Marcus Aurelius / Meditations* (London: 2014), p. 48.

радикальных изменений, еще много веков. В других местах – например, в Британии, с которой мы начали эту главу, – наиболее очевидные следы римского влияния резко исчезли сразу после ухода имперских легионов, а большая часть римского наследия оказалась похоронена (иногда в буквальном смысле) с прибытием новых волн переселенцев. Для одних крах Западной Римской империи стал огромным потрясением, и эти люди, собрав все свое имущество, закопали его в землю или увезли с собой к новой жизни на новом месте. Для других он прошел почти незамеченным. Точно так же, как не существовало единого универсального опыта жизни под властью Римской империи, не существовало и единого универсального опыта жизни без нее. Было бы наивно думать иначе.

Но все эти рассуждения и экивоки вовсе не означают, что падение Рима было мелким несущественным событием. Это один из важнейших этапов западной истории, и мы должны относиться к нему с полной серьезностью. Долговечность Римской империи, ее сложное устройство и исключительный географический размах, ее способность к благородству и к крайней жестокости – все это в той или иной мере укоренилось в западном культурном и политическом пространстве. Все это по-прежнему играло свою роль, когда античный мир превращался в средневековый. Даже после того как Рим канул в прошлое, он не был забыт. Он стал историческим фундаментом, на котором покоилось все построенное в Средние века.

2

Варвары

*Кто поверит, что Рим, воздвигшийся завоеванием целого мира,
пал? Что мать народов им же разверзла могилу?*

**Преподобный Иероним Блаженный. Толкования на пророка
Иезекииля**

Тех, кто привык подмечать знаки, скрытые в ткани мироздания, о скором падении Западной Римской империи предупредила череда знамений. В Антиохии собаки выли, словно волки, ночные птицы испускали ужасающие крики, а люди шептали, что императора следовало бы сжечь живьем⁶⁵. Во Фракии на дороге лежал мертвец и глядел на прохожих пугающе пристальным, словно бы живым взглядом, пока через несколько дней внезапно не исчез⁶⁶. А в самом Риме горожане упорно продолжали ходить в театры – и этим безобразным, вопиюще греховным времяпрепровождением, по словам одного христианского автора, прямо навлекали на себя гнев Всевышнего⁶⁷. Люди во все времена были суеверны и особенно хорошо умели разгадывать смысл знамений, обладая преимуществом ретроспективного взгляда. Именно поэтому историк Аммиан Марцеллин в конце IV в., оглядываясь назад, мог заметить, что это было время, когда колесо Фортуны, «вечно чередующее счастливые и несчастные события», вращалось особенно быстро⁶⁸.

В 370-х гг., к тому времени, когда Римом начала овладевать гибельная слабость, Римское государство – монархия, республика и империя – существовало уже более тысячи лет. Однако прошло чуть больше столетия, и к концу V в. все провинции к западу от Балкан выскользнули из хватки римлян. В самом сердце древней империи распадалась римские институты власти, механизмы сбора налогов и торговые сети. Из повседневной жизни исчезали видимые признаки римской элитарной культуры: роскошные виллы, дешевые импортные товары массового потребления, горячее водоснабжение. Вечный город несколько раз подвергался разграблению. Западную часть империи наследовала череда недоумков, узурпаторов, тиранов и малолетних детей, пока она в конце концов не перестала существовать, а земли, составлявшие ядро могущественного государства, не поделили между собой народы, которых гордые граждане времен расцвета Рима прежде презирали как дикарей и недочеловеков. Они были варварами – этим пренебрежительным словом называли самых разных людей, от кочевых племен, совсем недавно появившихся на Западе и не знавших римских обычаев или не находивших нужным с ними считаться, до издавна знакомых соседей, долгое время ощущавших в своей жизни влияние римских традиций, но не имевших возможности пользоваться плодами римского гражданства.

Возвышение варваров представляло собой сложный процесс, развитию которого способствовали массовые миграции на ближние и дальние расстояния, столкновение политических систем и культур и общий упадок имперских институтов. На Востоке Рим продолжал существовать в почти нетронутом виде и процветать, приняв вид грекоязычной Византии, но на Западе будущее Рима оказалось в руках пришельцев. Наступила эпоха варваров.

---

⁶⁵ Ammianus Marcellinus, p. 410.

⁶⁶ Ridley, Ronald T. (trans.), *Zosimus / New History* (Sydney: 2006), p. 79.

⁶⁷ Bettenson, Henry (trans.), *Saint Augustine / City of God* (London: 2003), p. 43–44.

⁶⁸ Ammianus Marcellinus, p. 410.

«Ужаснейший из воинов»

Мы имеем все основания говорить, что эпоха Античности полностью завершилась (а Средние века начались) в 370 г. на берегах Волги. В этот год у реки появились толпы людей, в совокупности известных как гунны, покинувших родные места, расположенные за тысячи миль отсюда в степях к северу от Китая. Вопрос о происхождении гуннов, вероятно, навсегда останется спорным, но глубина их влияния на историю Запада не вызывает сомнений. Первые появившиеся на Волге гунны были, как мы могли бы сейчас сказать, климатическими мигрантами, или даже беженцами. Однако в IV в. они пришли на Запад вовсе не для того, чтобы искать сочувствия. Они явились верхом на лошадях, сжимая выгнутые составные луки, отличавшиеся необычайными размерами и мощностью: пущенные из них стрелы без промаха поражали цель на исключительном расстоянии до 150 метров и пробивали броню на расстоянии до 100 метров. Столь мастерски сработанного оружия не было в то время ни у одного другого кочевого народа. Благодаря искусству в конной стрельбе из лука гунны обрели славу жестоких и кровожадных разбойников – и с воодушевлением поддерживали свою репутацию. Это была кочевая цивилизация, возглавляемая кастой воинов и имевшая в своем распоряжении революционные военные технологии – народ, закаленный бесчисленными десятилетиями жизни в безжалостной евразийской степи, не знавший никакого иного образа жизни, кроме кочевого, и считавший насилие неотъемлемым фактором выживания. Им предстояло потрясти римский мир до основания.

Гунны состояли в некотором родстве с кочевой группой, которая начиная с III в. до н. э. доминировала в азиатских степях и правила возникшей там племенной империей⁶⁹. Эти кочевники сражались против китайских империй Цинь и Хань – китайские писцы называли их *сюнну*, «воюющие рабы»⁷⁰. Название прижилось и было позднее транслитерировано как «хунну», или «гунны». Во II в. н. э. империя сюнну распалась, но многие входившие в нее племена остались, а разрозненные потомки имперских сюнну сохраняли свое название и двести лет спустя. Сюнну, хунну или гунны – кто, где и когда называл их этими именами, известно крайне смутно, в силу фрагментарного характера источников того времени. Как бы ни писали и ни произносили это слово, в нем всегда ощущался отзвук ужаса – страха и отвращения, которые оседлые цивилизации издавна питали к чужакам-кочевникам.

К концу IV в. гунны уже не правили империей, но по-прежнему имели определенный политический вес. Не только китайские наблюдатели заостряли против них свои перья. Приблизительно в 313 г. купец из Средней Азии по имени Нанай Вандак писал, как безжалостно банды гуннов разоряют города на севере Китая – в Лояне они «сожгли дотла дворец императора и разрушили весь город»⁷¹. Еще через несколько десятков лет, после того как отколовшаяся от общей массы группа гуннских племен устремилась в Европу, злодеяния гуннов так же пылко и пространно принимались перечислять западные авторы. Аммиан Марцеллин писал, что гунны «превосходят в своей дикости всякую меру». Об этом говорил даже их облик – у гуннов было в обычае перевязывать черепа детей так, чтобы их головы приобретали вытянутую конусообразную форму. Приземистые, волосатые, грубые, привыкшие к жизни в седле и под полотняным пологом, писал Аммиан Марцеллин, гунны «не знают над собой строгой царской власти,

⁶⁹ Подробно о ранней политической организации гуннов см. в: Kim, Hyun Jin. *The Huns* (London/New York: 2016), p. 12–36. Более скептический взгляд на связь сюнну с жившими в IV в. гуннами по сравнению с представленным здесь и в других работах: Heather, Peter. *The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians* (Oxford: 2006), p. 148–149.

⁷⁰ De la Vaissière, Étienne. 'The Steppe World and the Rise of the Huns' in Maas, Michael (ed.). *The Cambridge Companion to The Age of Attila* (Cambridge: 2014), p. 179–180.

⁷¹ De la Vaissière, Étienne. *Sogdian Traders: A History* (Leiden: 2005), p. 43–44.

но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что ни попадется на пути»⁷².

Что именно заставило гуннов в IV в. устремиться на Запад, долгое время оставалось загадкой для историков. К сожалению, гунны, как большинство кочевых племен того времени, были неграмотными: они не вели никаких записей и не имели летописной культуры. Они никогда не смогут заговорить с нами на своем языке, и мы никогда не узнаем их версию истории. Большая часть дошедших до нас сведений о гуннах оставлена теми людьми, которые их ненавидели. Такие авторы, как Аммиан Марцеллин, считали гуннов божьим наказанием – по его словам, их приход на Запад был проявлением «ярости Марса». Какие человеческие факторы способствовали их появлению, его не слишком занимало. Аммиан Марцеллин лишь отмечал, что они «пламенеют дикой страстью грабить чужое добро»⁷³. Ни ему, ни другим авторам того времени не пришлось в голову разобраться, почему гунны появились на берегах Волги в 370 г. Факт, что они это сделали.

И все же у нас есть один источник, способный дать ключ к разгадке и объяснить, что заставило гуннов покинуть родные азиатские степи и двинуться в сторону запада. Однако этот источник – не летопись и не записки купца, путешествующего по Великому шелковому пути. Это выносливое, покрытое колючками китайское дерево под названием можжевельник *цилян*, или можжевельник Пржевальского (*Juniperus przewalskii*). Обильно произрастающее в горах неприхотливое растение со временем достигает высоты около 20 метров. Отдельные деревья нередко живут более тысячи лет и по мере роста сохраняют в своих годовых кольцах драгоценные сведения об истории окружающего мира. В данном случае можжевельник *цилян* может рассказать нам, какое количество осадков выпало на Востоке в IV в.⁷⁴.

Опираясь на данные годовых колец образцов можжевельника *цилян* из провинции Цинхай на Тибетском плато, можно предположить, что в 350–370 гг. Восточная Азия пережила чудовищную засуху, худшую из всех отмеченных за последние две тысячи лет. Небо попросту высохло. Суровые испытания, выпавшие тогда на долю Северного Китая, вполне можно сравнить с американским «Пыльным котлом» 1930-х гг. или китайской засухой 1870-х гг., во время которой от голода умерли от 9 до 13 млн человек. Миссионер Тимоти Ричардс оставил душевраздирающий отчет о жизни простых людей во время засухи XIX в.: «Люди сносят свои дома, продают жен и дочерей, едят корни и падаль, глину и листья... Если этого недостаточно, чтобы пробудить жалость, вообразите мужчин и женщин, беспомощно лежащих на обочинах дорог, и мертвецов, терзаемых голодными собаками и сороками... Известия же о том, что где-то варят и едят детей, столь ужасны, что одна мысль об этом заставляет содрогнуться»⁷⁵. Вероятно, нечто подобное настигло и гуннов в IV в. Степные травы и кустарники высохли и превратились в едкую пыль. Для гуннов, полностью зависевших от пастбищных животных, дававших пищу, питье и одежду и служивших средством передвижения, это стало экзистенциальной катастрофой. Перед ними встал суровый выбор: отправиться куда глаза глядят или погибнуть. Они предпочли первое.

В 370 г. разрозненные отряды гуннов начали переходить Волгу, впадающую в Каспийское море на границе между современной Россией и Казахстаном. Само по себе это не представляло непосредственной угрозы для Рима. Когда Юлий Цезарь в 49 г. до н. э. пересек Рубикон, он

⁷² *Ammianus Marcellinus*, p. 411–412.

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ Cook, Edward R. 'Megadroughts, ENSO, and the Invasion of Late-Roman Europe by the Huns and Avars', in Harris, William V. (ed.). *The Ancient Mediterranean Environment between Science and History* (Leiden: 2013), p. 89–102. См. также: Wang Xiaofeng, Yang Bao, Ljungqvist, Fredrik Charpentier. 'The Vulnerability of Qilian Juniper to Extreme Drought Events', *Frontiers in Plant Science* 10 (2019).

⁷⁵ Письмо цит. по: Reeve, Benjamin. *Timothy Richard, D. D. China Missionary, Statesman and Reformer* (London: 1912), p. 54.

находился примерно в 350 км от столицы империи, а переправлявшиеся через Волгу гунны были в десять раз дальше от Центральной Италии и более чем в 2000 км от восточной столицы империи, Константинополя. Прошли десятки лет, прежде чем они заявили о себе как о силе, с которой пришлось считаться римлянам. Однако в 370-х гг. главной проблемой были не гунны. Проблемой были те, кого они согнали с обжитых мест.

Перейдя Волгу и оказавшись примерно на территории современной Украины, Молдовы и Румынии, гунны вступили в контакт с другими племенными цивилизациями: сначала с ираноязычными аланами, затем с германскими племенами, в совокупности известными как готы. Достоверных записей о том, что именно происходило между этими двумя группами во время их первых встреч, не сохранилось. Впрочем, греческий летописец Зосим позволяет в общих чертах представить картину. Разгромив аланов, писал он, гунны вторглись на земли готов «вместе со своими женами, детьми, лошадьми и повозками». Хотя, по мнению Зосима, гунны были настолько грубы и нецивилизованны, что даже не передвигались на двух ногах, как это свойственно людям, они тем не менее, «катясь, нападая, своевременно отступая и стреляя с лошадей, учинили великое побоище» среди готов, которые были вынуждены покинуть свои дома и направиться в Римскую империю, где «умоляли императора принять их»⁷⁶. Говоря другими словами, чрезвычайная климатическая ситуация на востоке Центральной Азии косвенным образом спровоцировала вторичный миграционный кризис в Восточной Европе. Засуха привела в движение гуннов, а гунны привели в движение готов. В 376 г. множество обездоленных готов из разных племен появилось на берегах еще одной крупной римской пограничной реки, Дуная. Общее число беженцев составляло, вероятно, от 90 000 до 100 000 человек, хотя подсчитать их количество с какой-либо точностью невозможно. Некоторые были вооружены, многие пребывали в отчаянии. Все они искали убежища в Римской империи, представлявшей собой если не рай на земле, то по крайней мере свободную от гуннов территорию, где нормой считался порядок, а армия могла обеспечить гражданам и зависимым народам защиту в период кризиса.

Гуманитарные кризисы никогда не выглядят привлекательно, и кризис 376 г. не стал исключением. Задача справиться с наплывом готов, то есть решить, кого и на каких условиях допустить в империю и где их поселить, выпала на долю восточного императора Валента (364–378). Нервный человек, своим положением на троне в Константинополе обязанный покойному брату и бывшему соправителю Валентиниану I, Валент в годы своего правления был занят главным образом тем, что пытался решить бесконечно возникавшие военные затруднения доступными ему ограниченными средствами. Его внимание постоянно поглощали то внутренние восстания, то конфликты с сасанидской Персией на границе в Армении и в других местах. До сих пор персы были самой серьезной угрозой для безопасности Рима на востоке, и соперничество между двумя империями играло главенствующую роль в ближневосточной политике. Однако даже так Валент не мог не придавать значения появлению огромного количества бедствующих чужаков из царства варваров. Это ставило перед ним как практическую, так и моральную дилемму. Что лучше: принять измученных готов или велеть им возвращаться назад и позволить гуннам перебить и поработить их? Если позволить им переправиться через Дунай, это повлечет за собой новые трудности: будет явно нелегко поддерживать общественный порядок, регулярно снабжать беженцев продовольствием и одновременно бороться с распространением болезней. В то же время отчаявшиеся мигранты всегда служили отличным источником дешевой рабочей силы, а римская армия постоянно нуждалась в новых рекрутах. Позволив готам войти в империю, Валент мог бы заставить мужчин воевать в его армии против Персии, а остальных обложить налогами. Положение было щекотливое, но вместе с тем не лишённое перспектив.

⁷⁶ Zosimus, p. 79.

В 376 г. готские послы нашли Валента в Антиохии и обратились к нему с официальной просьбой принять их народ. Император некоторое время размышлял, затем сказал, что разрешит некоторым готам вместе с семьями пересечь Дунай и поселиться во Фракии (на территории современной Болгарии и Восточной Греции) при условии, что они будут присылать своих мужчин в римскую армию. На границу передали приказ, что перейти реку разрешается готскому племени под названием *тервинги*. Вместе с тем в империю не следовало допускать соперничающее с ними племя *грейтунгов* (остготов)⁷⁷.

Очевидно, этот замысел показался Валенту вполне разумным, а результат, согласно источникам, в том числе Аммиану Марцеллину, был принят им «скорее с радостью, чем со страхом»⁷⁸. Кажется, из трагедии удалось извлечь пользу. Римский флот на Дунае начал крупную гуманитарную операцию – порядка 15 000–20 000 готов переправились через реку «на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев»⁷⁹. Прошло совсем немного времени, и готский миграционный кризис принял весьма скверный оборот. Оглядываясь назад, легко утверждать, что Валент проявил беспечность и совершил катастрофическую историческую ошибку. Впрочем, в подобной ситуации наверняка оказались бы бессильны даже Октавиан Август или Константин I. Так или иначе, было ясно одно: официально открыв границы империи для огромного числа беженцев, этот процесс оказалось невозможно повернуть вспять⁸⁰.

Первая кровь

В недавнем прошлом у римлян и готов уже была общая история. В 367–369 гг. Валент вел войны против готских племен. Конфликт окончился мирными переговорами, но разорение римскими войсками готских земель вкупе с наложенными экономическими санкциями оставило у обеих сторон чувство недовольства. Вполне вероятно, именно война с Римом сыграла существенную роль в ослаблении готов незадолго до прихода гуннов. И поэтому государственная программа расселения мигрантов довольно скоро омрачилась случаями отвратительной эксплуатации, где «преступления совершались из худших побуждений... против доселе ничем не провинившихся новоприбывших»⁸¹.

Согласно Аммиану Марцеллину, римские чиновники Лупицин и Максимус, поставленные руководить переправой через Дунай, пользуясь бедственным положением голодавших переселенцев-тервингов, вынуждали тех продавать детей в рабство за мешок собачьего мяса. Помимо жестокости они отличались некомпетентностью. Лупицин и Максимус не только притесняли готов-тервингов, но и оказались не в состоянии помешать проникнуть в империю другим беженцам, «нежеланным варварам». Партизанские переправы, происходившие втайне от римских речных патрулей в 376–377 гг., постепенно наполнили Фракию тысячами недовольных и притесняемых готских беженцев. Некоторые из них прибыли законным путем, многие – незаконным. Большинство утратили всякую связь с родиной, но не питали никакой любви к приютившей их стране. Инфраструктуры, которая позволила бы содержать, расселить и обеспечить пропитанием десятки тысяч прибывших, не существовало. Основное внимание империи по-прежнему было сосредоточено на границе с Персией, и Валент поручил решение гот-

⁷⁷ Ученые продолжают спорить, имели ли эти племенные названия какое-то значение для самих готов, или это были ничего не говорящие ярлыки, навешанные на них чужаками-римлянами. Пожалуй, здесь уместно вспомнить, с какими трудностями столкнулись в XIX в. белые поселенцы во внутренних областях Америки, описывая племенное устройство коренных американцев.

⁷⁸ *Ammianus Marcellinus*, p. 416.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 417.

⁸⁰ Подробно об этой дискуссии: Halsall Guy. *Barbarian Migrations and the Roman West 376–568* (Cambridge: 2007), p. 172–175.

⁸¹ *Ammianus Marcellinus*, p. 418.

ского вопроса людям, совершенно не подходившим для этой работы. Балканы постепенно превращались в пороховую бочку.

В 377 г. оказавшиеся в Римской империи готы подняли несколько восстаний. Разграбление богатых фракийских деревень и усадеб вскоре переросло в полномасштабную войну, в которой готы сражались с римскими военными отрядами с «неукротимой яростью в сочетании с отчаянием»⁸². В одной схватке в месте под названием Салиций (*Ad Salices*, «у ивовых деревьев») недалеко от берега Черного моря готы, атаковав римские войска, «метали в наших огромные обожженные палицы» и «поражали в грудь кинжалами наиболее упорно сопротивлявшихся... Все поле битвы покрылось телами убитых... одни – пронзенные свинцом из пращи, другие – окованной железом стрелой, у некоторых были рассечены головы пополам, и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище»⁸³.

В 378 г. готов настигла расплата. Первое крупное сражение произошло в середине лета. К этому времени готские племена внутри империи объединились. На поле боя к ним присоединились группы аланов и даже некоторое количество гуннских наемников, которые также пересекли плохо охраняемую речную границу в поисках приключений. Общими усилиями они превратили широкий коридор между Дунаем и Гемскими (Балканскими) горами в дымящуюся выжженную пустошь. Однажды готский военный отряд даже проскакал в пределах видимости от стен Константинополя. Это была уже не третьестепенная миграционная проблема на окраинах империи, а полномасштабный кризис, угрожающий и целостности, и чести империи.

У Валента не оставалось выбора – ему пришлось действовать. Во время короткой передышки на персидском фронте он лично повел армию на Балканы. Валент отправил гонцов с просьбой о подкреплении к западному императору, своему девятнадцатилетнему племяннику Грациану. Само по себе это было разумно, поскольку, несмотря на молодость, Грациан уже одержал ряд впечатляющих военных побед над германскими племенами выше по Дунаю. Необходимость просить о помощи гораздо более молодого и успешного соправителя вызывала у Валента противоречивые чувства. Собственная гордость, а также советники настойчиво призывали его разобраться с делом без посторонней помощи. По этой причине Валент в конце концов не стал дожидаться прибытия Грациана. Большую часть лета он продержал армию в лагере, а в начале августа получил известие, что близ Адрианополя (ныне Эдирне в Турции) собралось множество готов под командованием вождя по имени Фритигерн. По сведениям разведчиков, у них было около 10 000 воинов. Валент решил атаковать самостоятельно.

На рассвете 9 августа «войска были быстро двинуты вперед»⁸⁴. Валент повел своих людей из укрепленного лагеря в Адрианополь. Преодолев 13 км по пересеченной местности под палящим полуденным солнцем и наконец приблизившись к тому месту, где стояли готы, римляне обнаружили, что «широкая равнина блистала пожарами: подложив дров и всякого сухого материала, враги разожгли повсюду костры». «Истомленные летним зноем солдаты стали страдать от жажды, – писал Аммиан Марцеллин. – Беллона [римская богиня войны], неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на гибель римлян»⁸⁵.

Вскоре к Валенту приехали готские послы. Они утверждали, что хотят заключить перемирие. На самом деле они просто тянули время, пока их вожди готовили для римлян ловушку. Переговоры окончились ничем, и вскоре после полудня Валент потерял контроль над своими уставшими и измученными жаждой войсками – не дожидаясь приказа, они напали на готов. Завязался бой. «Оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг

⁸² Ibid., p. 423.

⁸³ Ibid., p. 424–425.

⁸⁴ Ibid., p. 433.

⁸⁵ Ibid., p. 434.

друга, колебались, словно волны, во взаимном движении, – писал Аммиан Марцеллин. – От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться»⁸⁶. Однако римляне понесли в сражении тяжелый урон.

Римские разведчики, предполагавшие, что готы собрали всего десять тысяч человек, ошибались. Их было намного больше – вполне достаточно, чтобы разгромить римскую армию численностью около 30 000⁸⁷. «Высыпавшие несчетными отрядами варвары, – продолжал Аммиан Марцеллин, – стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти»⁸⁸. Кроме того, готы предусмотрительно скрыли от римских разведчиков большой отряд конницы. В решающий момент эти всадники вступили в бой и переломили ход сражения. Валента перехитрили, его войско потерпело поражение. «Все кругом покрылось черной кровью, и, куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, – рассказывал Аммиан Марцеллин. – Этим невозможным потерям, которые так страшно дорого обошлись Римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны»⁸⁹.

Самой дорогой потерей стал сам Валент. Подлинная судьба императора остается тайной: одни говорили, что он был опасно ранен стрелой и вскоре испустил дух, другие рассказывали, что лошадь сбросила его в болото, где он и утонул. Третьи утверждали, что Валент бежал с поля боя, преследуемый варварами, и вместе с горсткой стражников и несколькими евреями укрылся в крестьянской хижине. Преследователи, не сумев выбить двери, «снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми»⁹⁰. Так или иначе, тело Валента не нашли. Под Адрианополем варвары уничтожили от 10 000 до 20 000 римлян, в том числе восточного императора. Рим получил жестокие ранения – и со временем они загноились.

Буря возвращается

Хотя кризис 376–378 гг. серьезно пошатнул престиж Рима и значительно сократил численность имперской армии на востоке, он не стал причиной немедленного краха империи. В этом смысле большая заслуга принадлежала правителю, сумевшему в последние десятилетия IV в. вернуть порядок в обе части империи. Император Феодосий I пришел к власти в Константинополе после смерти Валента, а в 392 г., после довольно грязной борьбы за власть на западе, он захватил трон в Медиолане (Милане), служившем столицей Западной империи с конца III в. Феодосий заключил прагматическое соглашение с готами, официально разрешив им селиться во Фракии и воспользовавшись их воинами, чтобы залатать те дыры, которые они сами незадолго до этого проделали в рядах римской армии. По всей империи император подавлял традиционное римское язычество и принимал деятельное участие в прекращении раскола внутри молодой христианской церкви. Что особенно важно, он позаботился о том, чтобы традиционные границы империи в Европе (проходившие фактически по рекам Рейн и Дунай) оставались в относительной безопасности. Правление Феодосия нельзя назвать совершенно безмятежным, но, оглядываясь назад, можно сказать, что это действительно был краткий золотой век – в том числе потому, что Феодосий стал последним императором, правившим обеими половинами Римского государства как единым целым.

---

⁸⁶ Ibid., p. 435.

⁸⁷ Подробную оценку численности сил обеих сторон можно найти в: Heather. *The Fall of the Roman Empire*, p. 181.

⁸⁸ *Ammianus Marcellinus*, p. 435.

⁸⁹ Ibid., p. 435–436.

⁹⁰ Ibid., p. 437.

Но в один пасмурный и дождливый январский день⁹¹ в 395 г. Феодосий умер, передав бразды совместного правления римским государством своим сыновьям. В Константинополе его преемником стал семнадцатилетний юноша по имени Аркадий. В Милане Августом провозгласили девятилетнего Гонория. Ни тот ни другой не считались достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно пользоваться властью, поэтому правление делегировали двум влиятельным политикам. Позади восточного трона встал энергичный и бесцеремонный уроженец Галлии по имени Руфин. На Западе аналогичную позицию занимал харизматичный полководец по имени Стилихон. Хотя современники Стилихона придавали большое значение тому, что он был наполовину варваром (его отец происходил из германского племенного союза вандалов), он проявил себя стойким защитником Рима, даже когда империя совсем обветшала и начала расплзаться по швам. В этом смысле Стилихон служит живым доказательством, насколько прозрачной могла быть граница между миром римлян и миром варваров, которые взаимно проникали друг в друга настолько же, насколько противостояли друг другу.

«С тех пор как люди появились на земле, никогда [ни одному другому] смертному не было даровано во всей чистоте столько земных благ», – писал поэт Клавдиан, служивший личным панегиристом Стилихона⁹². Приняв власть на Западе (для чего в числе прочего он выдал за юного императора Гонория свою дочь Марию), Стилихон приобрел множество врагов как внутри империи, так и за ее пределами, а кроме того, ему пришлось иметь дело с набиравшей силу новой массовой миграцией, которая в скором времени обернулась губительным испытанием для римского Запада.

Когда Стилихон пришел к власти в 395 г., готский кризис 370-х гг. успел стать выцветшим воспоминанием из жизни прошлого поколения. Однако главные факторы, спровоцировавшие то великое вторжение готов, остались практически неизменными. Более того, ситуации вскоре предстояло повториться почти в той же форме, поскольку в 390-х гг. гунны снова пришли в движение.

Хотя данные неясны и допускают множество интерпретаций, известно, что по какой-то причине между серединой 380-х и серединой 420-х гг. гунны возобновили наступление на Запад⁹³. Их поход, начавшийся в засушливых степях севернее Китая, теперь привел их примерно за 1700 км от Кавказа на Большую Венгерскую равнину (часть Среднедунайской равнины, Альфельд). Они передвигались огромными толпами, а перед ними, как и раньше, в беспорядке бежали другие племена⁹⁴.

В 370-х гг., выйдя на северное побережье Черного моря, гунны вытеснили готов. Теперь, устремившись на Большую Венгерскую равнину, они нарушили привычный образ жизни множества других групп варваров: аланов, вандалов, германского народа под названием свевы (свеи), а также бургундов, которых римские авторы особенно презирали за склонность к полноте и гнусную привычку смазывать волосы кислым сливочным маслом. Некоторые из этих групп (или все они) уже имели эпизодические контакты с гуннами в конце IV в., поскольку предприимчивые гуннские воины нередко отправлялись на Запад попытать счастья в роли наемников. Некоторым даже удавалось найти применение своему военному искусству в Римской империи: у Руфина в Константинополе и у Стилихона в Милане гунны числились в личной свите телохранителей-буцеллариев. Однако мелкие локальные стычки с наемниками никак

⁹¹ Сведения о погоде взяты у св. Амвросия Медиоланского. В надгробном слове на похоронах Феодосия он заметил, что разразившиеся после смерти императора ливни говорят о том, что сама Вселенная оплакивает его. См.: McCauley, Leo. P. et al. *Funeral Orations by Saint Gregory and Saint Ambrose (The Fathers of the Church, Volume 22)* (Washington: 2010), p. 307.

⁹² Platnauer, Maurice (trans.). *Claudian / Volume II (Book 1)* (New York, 1922), p. 367.

⁹³ Ср., например, версии, представленные в Heather. *The Fall of the Roman Empire*, p. 203–205 и Kim. *The Huns*, p. 76–77.

⁹⁴ В 390-е гг. одного имени гуннов было достаточно, чтобы вселить страх в сердца римлян. Банда беглых рабов и военных дезертиров, собравшаяся в 390-х гг. на Балканах, называла себя гуннами, хотя почти наверняка никто из этих разбойников не был этническим гунном. В каком-то смысле это была убийственно искренняя лесть: разбойники использовали в своих интересах то, что мы могли бы назвать зарождавшимся брендом террора IV в.

не могли подготовить Запад к последствиям второго великого гуннского нашествия. Продвигаясь к окраинам Римской империи, гунны снова спровоцировали вторичную панику и подняли перед собой волны неконтролируемой миграции. В 405–410 гг. это обернулось чередой опустошительных нападений на римские границы.

Неприятности начались в предгорьях Восточных Альп, когда во второй половине 405 г. там появился готский король по имени Радагайс с огромной ордой, насчитывавшей около 100 000 человек (из них около 20 000 воинов), и силой пробился в Италию. Согласно Зосиму, в свою очередь черпавшему сведения у автора по имени Олимпиодор Фиванский, вести о «неминуемом нашествии» Радагайса привели всех в замешательство. Города впали в отчаяние, и даже Рим охватила паника перед лицом беспрецедентной опасности⁹⁵. Для беспокойства имелись веские причины. Стилихон имел более чем достаточно сил для отпора захватчикам, но требовалось время, чтобы собрать их воедино. Для проведения крупной военной операции следовало вывести войска из Рейнской области, созвать подкрепления из числа аланов и гуннов, зарабатывавших ремеслом наемников, и стянуть все силы Италии. К тому времени, когда он был наконец готов сразиться с Радагайсом, наступила середина 406 г. – и готы уже около полугода занимались грабежами, не встречая никакого сопротивления. На юге Радагайс опустошил все земли вплоть до Флоренции, которую осадил и привел на грань голодной смерти.

За свою дерзость готы были сурово наказаны. Стилихон «полностью уничтожил их силы, – писал Зосим. – Ни один из них не спасся, за исключением тех немногих, кого он присоединил к числу римских ауксилариев». 23 августа Радагайса схватили и обезглавили под стенами Флоренции. Стилихон, разумеется, «был весьма горд этой победой и вернулся со своим войском, повсеместно прославляемый за чудесное избавление Италии от неминуемой опасности»⁹⁶. Битва была выиграна решительно и относительно быстро. Но, стянув для сражения войска со всей Европы, Стилихон оставил обширные регионы имперского Запада плохо защищенными и уязвимыми. Вместе с тем эта победа ничуть не приблизила его к решению главной проблемы, служившей источником всех остальных трудностей Рима. В сущности, он воевал не с отдельным правителем или племенем, а с демографией и силами человеческой миграции, и эта война только началась.

К чему привело ослабление Стилихоном римской обороны на Рейне, стало ясно уже через год. 31 декабря 406 г. огромное смешанное войско вандалов, аланов и свевов переправилось через реку и оказалось в Галлии⁹⁷. Мы уже не узнаем, замерзла ли река к середине зимы или ее просто плохо обороняли, но этот переход поверг в хаос Галлию и все окрестные провинции, включая Британию. Согласно письму библеиста и отца церкви святого Иеронима, кровожадные чужеземцы разграбили город Майнц, перебив при этом тысячи прихожан. Они осадили и покорили Вормс, бесчинствовали в Реймсе, Амьене, Аррасе, Теруане, Турне, Шпейере, Страсбурге, Лионе и Нарбонне. «Того, кого извне щадит меч, изнутри губит голод, – писал святой Иероним. – Кто в будущем поверит, что римлянам приходилось сражаться на своей земле не ради славы, а ради спасения собственной жизни?»⁹⁸ Почти такие же настроения высказывал христианский поэт Ориенций: «Вся Галлия пылает, словно единый погребальный костер»⁹⁹. На территории провинции оказалось около 30 000 воинов и 100 000 прочих (ничем не занятых) переселенцев. Граница на Рейне прорвалась и больше не смогла восстановиться.

⁹⁵ Zosimus, p. 113.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Некоторые ученые оспаривают указанную дату и помещают это вторжение в 405 г., то есть одновременно с нападением Радагайса на Итальянский полуостров. См.: Kulikowski, Michael. 'Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain', *Britannia* 31 (2000), p. 325–345.

⁹⁸ Fremantle, W.H. (trans.). *Saint Jerome / Select Letters and Works* (New York: 1893), p. 537.

⁹⁹ Отрывок из Ориенция см. в: Halsall. *Barbarian Migrations*, p. 215.

С этого времени ситуация стала стремительно ухудшаться. Кризис, охвативший Италию и Галлию, распространил ощущение глубокой неустойчивости до самых дальних западных окраин империи. В Британии римская армия, много месяцев не получавшая жалованья, находилась в состоянии полупостоянного мятежа. В 406 г. двое ее командующих, сначала Марк, а затем Грациан, объявили себя императорами. Каждый из них «правил» всего несколько месяцев, а затем был убит своими людьми. В начале 407 г. счастья решил попытать третий император-узурпатор. Константин III взял под контроль британские легионы, объявил себя правителем Западной империи и приступил к судьбоносному выводу войск из Британии. В следующие месяцы Константин переправил тысячи солдат из Британии в Галлию, чтобы попытаться спасти границу на Рейне. Британия оказалась предоставлена сама себе – номинально она по-прежнему входила в состав Римской империи, но в действительности была покинутой и чудовищно уязвимой перед набегами тех германских племен, которым хватало самонадеянности пересечь Северное море. Время, когда Британия перестала быть римской, приближалось все быстрее.

Между тем набеги продолжались. В 408 г. гунны впервые попытались прямо напасть на империю: полководец по имени Улд (или Улдин), некогда наемник и союзник Стилихона, пересек Нижний Дунай близ Кастра-Мартис (сегодня на границе Сербии и Болгарии) и объявил, что готов покорить все земли, которых касаются лучи солнца. Вскоре Улд был предан своими же людьми, потерпел поражение в битве и исчез – либо продан в рабство, либо, что более вероятно, сразу убит. В любом случае Римская империя оказалась в осаде.

Одним из самых опасных предводителей варваров и причиной постоянной головной боли Стилихона был военачальник по имени Аларих. В начале карьеры Аларих служил своего рода лицом кампании по интеграции готов в римский образ жизни. Он был христианином. Он командовал крупным отрядом готов и других варваров в составе римской армии. В общем и целом все его устремления, казалось, сводились только к тому, чтобы занять прочное законное место в римских политических и военных кругах. Однако примерно в 395 г. Аларих разорвал дружеские отношения с правителями Рима и сумел сделать так, чтобы его избрали королем коалиции готских племен, сегодня известных под именем вестготов. Это принесло ему десятки тысяч вооруженных сторонников. Дважды, в 401–402 и 403 гг., Аларих использовал эти силы для вторжения в Италию. В обоих случаях Стилихон одержал над ним верх, разбив вестготов сначала в битве при Полленце (Полленция), а затем при Вероне. «Учитесь, о самонадеянные народы, не презирать Рим», – злорадствовал Клавдиан, описывая поражение Алариха при Полленце¹⁰⁰. Алариху суждено было смеяться последним.

Потерпев поражение на поле боя, Аларих как будто бы примирился с Западной империей. В 406 г. он отказался прийти на помощь римлянам, когда его соотечественник Радагайс возглавил собственное массовое вторжение готов в Италию. Затем в 408 г., когда Галлия погрузилась в хаос, а Британия оказалась в руках императоров-узурпаторов, Аларих с удовольствием присоединился к общей свалке. По-прежнему располагая десятками тысяч солдат, он отправил послов ко двору западного императора Гонория (к этому времени двор переместился из Милана в Равенну, ближе к востоку) с известием, что намерен снова вторгнуться в Италию, если ему немедленно не выплатят три тысячи фунтов серебра. Сенат возмутился, но Стилихон, понимая, что имперская армия уже держится на пределе возможностей и будет не в состоянии открыть новый фронт, убедил сенаторов подчиниться требованиям Алариха. Решение вызвало всеобщее недовольство, а сенатор по имени Лампадий вполголоса заметил, что это «больше напоминает рабство, чем мир»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Claudian / Volume II (Book 2), p. 173.

¹⁰¹ Выражение приведено у Зосима: *Non est ista pax sed pactio servitutis* (Zosimus, p. 114).

Вскоре недовольство переросло в политический бунт. Летом 408 г., когда вся империя была охвачена огнем, а вестготы выжидали удобного момента для нападения, враги Стилихона выступили против него в сенате. Одновременно поползли клеветнические слухи, призывавшие вспомнить о вандалском происхождении Стилихона и намекавшие, что полководец состоит в тайном сговоре с Аларихом и собирается посадить своего сына на восточный трон, освободившийся после недавней смерти Аркадия. Личная власть Стилихона быстро ослабла, и он даже не смог спасти свою жизнь. В мае 408 г. несколько верных ему командиров были убиты в ходе переворота. Гонорий наотрез отказался платить выкуп вестготам Алариха. Три месяца спустя Стилихона арестовали в Равенне и бросили в тюрьму. 22 августа его казнили как предателя – он пошел на смерть без жалоб. По словам Зосима, Стилихон спокойно «предал свою шею мечу» и был «самым умеренным человеком среди всех, кто в то время стоял у власти»¹⁰². Так, не ударив палец о палец, Аларих избавился от своего самого опасного врага. И извлек из этого максимум пользы.

Через несколько недель после казни Стилихона Аларих и вестготы шли маршем по Италии, намереваясь завладеть богатейшей добычей в центральной части империи. По мере продвижения численность их войска росла: после смерти Стилихона в империи начались масштабные репрессии и волны ксенофобных нападений на мигрантов. Пострадали тысячи солдат-варваров, служивших в римской армии, а также их семьи. Для многих присоединившихся к Алариху главной целью похода был не просто грабеж – это было личное дело. Варвары стремились к добыче, захватив которую нанесли бы Римской империи особенно болезненный удар, – к ее символическому сердцу, городу Риму.

В ноябре Аларих осадил Вечный город, остановив все поставки продовольствия, и потребовал в качестве выкупа все золото, имевшееся у горожан. Рим, население которого составляло примерно три четверти миллиона человек, не мог долго выдерживать голод. Через два месяца двор в Равенне пообещал дать Алариху 5000 фунтов золота и еще 30 000 фунтов серебра, а также припасы, чтобы накормить и одеть его армию, если он отступит. Это была высокая цена, но император Гонорий (которому тогда было 24 года) понял, что у него нет другого выхода: ему придется обратиться к старой стратегии Стилихона и заплатить выкуп. В Галлии император-узурпатор Константин ежедневно собирал все больше сторонников. Римская сельская местность находилась в состоянии полного упадка, экономически искалеченная на долгие годы. Кризисы следовали один за другим.

Но, отступив от Рима, Аларих предложил новые условия, при выполнении которых обещал совсем оставить Италию. Его требования были тесно связаны с той проблемой, которая изначально заставила готов переправиться через Дунай: теперь, когда Восточная Европа оказалась наводнена гуннами, у готов не осталось родины. Аларих просил императора позволить его вестготам поселиться на землях, примерно совпадающих с территорией современной Австрии, Словении и Хорватии. Он также просил для себя высокий пост в римской армии, желая стать преемником самого Стилихона. Он «предлагал свою дружбу и обещал быть союзником римлянам против всех, кто возьмется за оружие и поднимется воевать с императором»¹⁰³. В предложении содержалось определенное рациональное зерно. Однако Гонорий высокомерно отказался от переговоров и предложил Алариху попытаться завоевать силой то, чего не смог добиться разговорами.

В 409 г. Аларих снова привел свое войско к Риму и второй раз осадил город. Теперь он пытался угрожать Гонорию свержением, для чего, запугав римский сенат, заставил выдвинуть альтернативного императора Атталу, по сути служившего готской марионеткой. Ненадолго покинув Рим, Аларих совершил вместе с войском прогулку по нескольким итальянским

¹⁰² Zosimus, p. 117.

¹⁰³ Zosimus, p. 125.

городам, где готы настоятельно рекомендовали горожанам принять власть Аттала или изведать, насколько остры их мечи. Однако Гонорий по-прежнему сидел в Равенне и отказывался от компромиссов, ожидая подкреплений из Константинополя и надеясь принудить Алариха к покорности. Он катастрофически просчитался. В августе 410 г. Аларих отменил псевдоправление Аттала и вернулся к Риму и своему изначальному плану. На вторую годовщину того дня, когда римляне обезглавили Стилихона, варвары стояли у ворот города. Еще через два дня, 24 августа 410 г., ворота распахнулись. Каким-то образом – хитроумной уловкой или простыми угрозами – Аларих заставил горожан впустить его людей.

Началось разграбление Рима.

Прошло восемьсот лет с тех пор, как Рим в последний раз подвергался разграблению. В прошлый раз это сделало кельтское племя из Галлии – *сеноны*. Они опустошили город, перед этим разбив римскую армию в битве в нескольких милях от городских стен. Ужасные воспоминания о том июльском дне 387 г. до н. э. сохранялись в римском фольклоре и романтической истории, а посвященный этим событиям отрывок из Тита Ливия переполнен мелодраматическими нотами. «Без всякого милосердия дома разграбили дочиста и, опустевшие, подожгли»¹⁰⁴. На самом деле археологам не удалось обнаружить никаких следов крупного пожара в том году – скорее представляется вероятным, что в 387 г. до н. э. сеноны пришли, забрали все, что смогли унести, и через некоторое время быстро отступили перед приближающейся римской армией¹⁰⁵. Тем не менее для римлян имело большое значение, что их город однажды – но только однажды – подвергся разграблению. И вот много времени спустя эта история должна была повториться.

Приступая к разграблению Рима в 410 г., вестготы не стремились его уничтожить – на это можно было рассчитывать, зная о приверженности Алариха и многих его последователей христианской вере. Вместе с тем нельзя отрицать, что это явно был праздник воодушевленного мародерства. Войдя в Рим через Соляные ворота, готы обошли все римские святилища, памятники, общественные здания и частные дома и вынесли оттуда все ценности, однако оставили большинство строений нетронутыми, а горожан – невредимыми. Простым жителям города разрешили укрыться в крупных соборах Святого Петра и Святого Павла, официально считавшихся местом убежища христиан. Вестготы разгромили Форум, подожгли здание сената и разрушили несколько больших особняков, но оставили большинство известных достопримечательностей Рима в целости и сохранности. Были похищены некоторые ценные предметы, в том числе серебряная скиния весом 2000 фунтов, и некоторые состоятельные граждане, за которых потом требовали выкуп.

Это были пугающие несколько дней. Истории об обуянных яростью варварах с каждым новым пересказом обретали все более апокалиптические краски – примером может служить отрывок, написанный святым Иеронимом в Антиохии: описывая судьбу Рима, он заимствовал выражения из 79-го псалма, где оплакивается разрушение Иерусалима вавилонянами: «Боже! Язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой... трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих – зверям земным. Пал державный город древний, множество жителей его лежат безжизненно в домах и на улицах»¹⁰⁶. Вести об осаде дошли до Северной Африки и вдохновили святого Августина на ряд проповедей, позднее составивших основу его монументального сочинения «О граде Божьем», в котором он презрительно отвергает претензии Древнего Рима на звание вечной империи и утверждает, что подлинное вечное царство можно отыскать лишь на небесах.

¹⁰⁴ Livy / *The Early History of Rome*, p. 419.

¹⁰⁵ Kneale, Matthew. *A History of Rome in Seven Sackings* (London: 2017), p. 24.

¹⁰⁶ Saint Jerome / *Select Letters and Works*, p. 577; Ветхий Завет: Псалтирь: Псалом 79.

Впрочем, эти теологические тонкости имеют крайне опосредованное отношение к реальным событиям. В действительности в широком стратегическом плане разграбление Рима мало что изменило: после трех дней бесчинств Аларих отозвал вестготов, и они, покинув город, направились на юг, в сторону Сицилии. Осенью Аларих умер (вероятно, от малярии), оставив командовать вестготами своего зятя Атаульфа. После этого полководец по имени Флавий Констанций постепенно смог вернуть Западу подобие спокойствия, убедив Атаульфа привести вестготов в лоно Рима и дав им новую родину в Аквитании, на юго-западе Галлии. Кроме того, Констанций захватил и убил императора-узурпатора Константина III. Хотя к 418 г. около половины населения Рима навсегда покинуло город, в целом ситуация в Западной империи значительно улучшилась.

Но громогласные отклики таких авторов, как Иероним и Августин, дают понять, сколь глубоко потрясло людей разграбление Рима Аларихом. Так же как в случае с падением Берлинской стены или террористической атаки 11 сентября в США, ужасающий символизм нападения на мировую сверхдержаву многократно превосходил фактический физический ущерб. Готы Алариха ударили в самое сердце Римской империи, оставив шрамы, которые с годами становились только глубже.

Явление тиранов

Итак, Аларих нанес удар в самое сердце Западной империи, однако ее распад все же начался с периферии. По этой причине рассказ о варварских королевствах, возникших на ее месте, стоит начать с окраин. Наиболее стремительно процесс распада происходил в Британии – она стала последней крупной провинцией, завоеванной римлянами, и первой, которую они потеряли.

В кризисные 406–411 гг. римское военное присутствие в Британии практически сошло на нет. Из рядов британской римской армии вышли три претендента в узурпаторы: Марк, Грациан и Константин III. Обороноспособность провинции постепенно слабела. К началу V в. войскам в Британии крайне нерегулярно выплачивали жалованье, чем они, по-видимому, были очень недовольны. Впрочем, вскоре в провинции не осталось никого, кто мог бы роптать на судьбу: в 407 г. все силы вывели из Британии, чтобы защитить Галлию и границу на Рейне от вторжений варваров и поддержать притязания Константина на императорский пурпур. Вскоре после этого провинцию покинули и римские гражданские чиновники.

Существуют некоторые (небесспорные) данные, позволяющие предположить, что в 410 г. император Гонорий, осажденный в Равенне Аларихом, отправил послания в крупные римские города в Британии, сообщая, что в вопросе защиты они могут рассчитывать только на себя. Даже если допустить, что он действительно написал такие письма, это была лишь констатация действительности. Оставшись без армии и без финансовых и бюрократических каналов связи с центром империи, Британия почти сразу откололась от римского государства. К 440-м гг. видимые социальные признаки римского образа жизни – роскошные виллы, утонченная городская жизнь, чувство элитарности и принадлежности к международной культуре – в Британии пришли в упадок. Поместья стояли заброшенными. Торговые сети свертывались и распадалась. Города уменьшались в размерах. Административные и налоговые округа постепенно прекращали существование, в провинции усилился беспорядок. Серебряные ложки, изящные золотые украшения и россыпи римских монет из клада в Хоксне¹⁰⁷ свидетельствуют о хаотическом отступлении римского правящего класса из Британии. Повсюду на островах богатые семьи эвакуировались из гибнущего государства, забирая с собой все, что могли унести, бросая или закапывая в землю все, что не смогли.

¹⁰⁷ См. главу 1.

Откол Британии от Римской империи ускорили не только волнения за морем в Галлии и Италии, но и появление значительного числа воинов с женами и детьми из другой части Европы, далеко за пределами империи. Восточное побережье Британии издавна манило промышляющих разбоем пиктов, скоттов и германские племена, известные под общим (хотя и не вполне точным) именем англосаксов. 367–368 гг. ознаменовались особенно серьезным вторжением, вошедшим в историю как Великий заговор: мятеж войск на Адриановом валу стал предпосылкой череды массовых набегов на побережье со стороны не связанных с Римом северных британских племен, очевидно действовавших в союзе с саксами и другими народами за пределами провинции. Теперь этот маршрут снова оживился.

С начала V в. в Британии происходило непрерывное расселение военных отрядов и групп мигрантов, прибывавших с берегов Северного моря. Это не было единое скоординированное военное вторжение, наподобие того, которое совершили римляне во времена Клавдия или норманны в 1066 г., – это были отдельные разрозненные нашествия, растянувшиеся на многие годы. В более поздних источниках в числе прибывших тогда народов упомянуты саксы, англ и юты. Однако эти терминологические тонкости значили для бриттов в V в. гораздо меньше, чем разворачивающаяся перед их глазами объективная реальность, которая заключалась в том, что римские чиновники и солдаты уплывали за море в одну сторону, а с другой стороны появлялись германские поселенцы, несущие с собой новые языки, культуру и верования.

Где-то около 450 г., в правление императора Валентиниана III, доведенные до отчаяния набегами саксов старейшины обратились к полководцу Западной Римской империи Аэцию с мольбой о помощи. Их письмо вошло в историю под названием «Стон бриттов». Аэций был военным героем старого толка и прославился как борец с варварами и защитник чести империи. Судя по всему, бритты считали его своей последней надеждой. «Варвары гонят нас к морю, море гонит нас к варварам, – вопияли они. – Приходится нам выбирать между этими двумя смертями – заколотыми быть либо утопленными»¹⁰⁸. Однако Аэций отказался прийти к ним на помощь. Британия была уже практически потеряна для Рима.

«Стон бриттов» дошел до нас в сочинении жившего в VI в. монаха по имени Гильда Премудрый. Его труд «О разорении Британии», повествующий об этом беспокойном периоде, изображает эпическую борьбу за господство между вторгшимися саксами и коренным населением островов, кульминацией которой стало полуполюгендарное вооруженное столкновение – битва при Бадонском холме, произошедшая, вероятно, в конце V в. Часто упоминают, что решающую роль в Бадонской битве сыграл некий «король Артур», которого иногда называют племянником римского воина по имени Амвросий Аврелиан – как писал Гильда, «человек законопослушный, который в такой буре и потрясении остался чуть ли не один из римского племени»¹⁰⁹¹¹⁰.

Здесь не имеет смысла пускаться в бесплодные споры о том, был ли Амвросий Аврелиан «настоящим» Артуром. Важно, что после Бадонской битвы – или по крайней мере к тому времени, когда Гильда писал свой труд, – Британия оказалась разделена на две части примерно по диагонали с северо-востока на юго-запад. Саксонские королевства, сплотившиеся к востоку от этой границы, стали важными звеньями в цепочках торговых и культурных связей, протянувшихся через Северное море в Скандинавию. Взоры тех, кто оказался по другую сторону от этой границы, обратились к Ла-Маншу, Ирландскому морю и к самим себе. «Однако не заселены теперь города нашего Отечества, как раньше, но они до сих пор лежат в трауре, опустошенные и разрушенные, – писал Гильда. – Хотя и прекратились внешние войны, но не гражданские»¹¹¹.

¹⁰⁸ Winterbottom, Michael (trans.). *Gildas / The Ruin of Britain and other works* (Chichester: 1978), p. 23–24.

¹⁰⁹ Здесь и далее «О гибели Британии» Гильды Премудрого цит. в переводе Н. Ю. Чехонадской. – *Прим. перев.*

¹¹⁰ *Gildas*, p. 28.

¹¹¹ *Ibid.*

Бедствия, постигшие британцев после ухода римлян, Гильда рассматривал как справедливую кару Божью. Правители Британии, писал он, заслуживают всего, что с ним случилось, ибо «они защищают и покровительствуют, но они – сутяги и разбойники. Они имеют огромное количество жен, но [их жены] – потаскухи и изменницы. Они... дают обеты, но почти постоянно при этом лгут... а тех воров, кто сидит с ними за столом, не только любят, но и защищают... Презируют безобидных и смиренных, а кровавых... отцеубийц возносят»¹¹². Что касается саксов, то они, по его мнению, были настоящими дьяволами. Конечно, Гильда, как служитель церкви, был склонен усматривать во всем гнев Божий и зло человеческое. Его самое известное высказывание: «Есть в Британии цари, но тираны; есть судьи, но несправедливые»¹¹³. Однако надрывной тон его повествования не должен заслонять от нас тот факт, что саксонские варвары на самом деле были носителями ослепительно высокой культуры. Вспомним хотя бы знаменитый шлем из корабельного погребения Саттон-Ху в Суффолке, выполненный по римскому образцу, с жутковатой личиной из железа и бронзы, украшенной драконьими головами и когда-то, возможно, принадлежавший королю Восточной Англии Редвальду. Этим бесценным произведением искусства гордился бы любой римский воин. Вместе с тем нетрудно понять весь ужас, который испытывал Гильда, наблюдая за происходившими у него на глазах поразительными демографическими и политическими переменами¹¹⁴. Справедливо или нет, массовая миграция почти всегда провоцирует страх и ненависть, поскольку, как наглядно показывает история Западной Римской империи, она действительно способна перевернуть мир с ног на голову.

Пока Британия постепенно отделялась от римского Запада, в других областях империи возник еще более серьезный раскол. В этом случае роль королей анархии досталась вандалам. Изгнанные из родных мест гуннами, многие вандалы присоединились к массовым переправам варваров через Рейн в 406–408 гг. Однако это только начало их пути. Из Рейнланда вандалы начали продвигаться на юг через бьющиеся в конвульсиях провинции Римской Галлии, пересекли Пиренеи и направились в Иберию. По пути они сражались с другими варварскими племенами, в частности вестготами и свевами, с которыми столкнулись у богатого и могущественного города Мерида в 428 г. и бились до тех пор, пока у обеих сторон не иссякли силы. После этого вандалы двинулись дальше к южной оконечности полуострова.

К этому времени численность вандалов достигла около 50 000 человек, из которых около 10 000 составляли опытные воины. Их предводителем был необычайно хитроумный и целеустремленный военачальник по имени Гейзерих, человек рассудительный и скромный в привычках. В юности Гейзерих упал с лошади и остался хромым на всю жизнь. Кроме того – что оказалось весьма полезным для вандалов, – он любил и прекрасно разбирался во всем, что касалось мореплавания и морского боя.

В мае 429 г. люди Гейзериха вместе со всем имуществом погрузились на корабли и переправились через Гибралтарский пролив. О причинах, побудивших Гейзериха сделать это, шли долгие дебаты, однако представляется вполне вероятным, что войти в римскую Северную Африку ему разрешил местный правитель Бонифаций – близкий союзник Галлы Плацидии, матери императора Валентиниана III, имевший большое влияние при дворе в Равенне. Если это действительно так, то Бонифаций совершил колоссальную ошибку. Прибыв на южный берег

¹¹² Ibid.

¹¹³ *Gildas*, p. 29.

¹¹⁴ Даже нынешние полемисты и политики далеко не всегда воздерживаются от подобной риторики: нетрудно вспомнить некоторых наших современников, называющих мигрантов, нарушающих общепринятые социальные и культурные порядки, тараканами, паразитами, насильниками и больными извращенцами.

Средиземного моря, вандалы резко свернули налево и отправились в грабительский поход по римским территориям, разоряя на своем пути все значительные города.

По словам греческого ученого Прокопия, проявлявшего живой интерес к истории вандалов, Бонифаций осознал свою ошибку и попытался исправить ситуацию. «Он... стал умолять их, давая им тысячу обещаний, уйти из Ливии. Однако вандалы не соглашались на его просьбы; напротив, считали себя оскорбленными»¹¹⁵, – писал он¹¹⁶. В июне 430 г. они подошли к портовому городу Гиппон (Гиппо-Региус, ныне Аннаба в Алжире) и осадили его.

Проживавший в Гиппоне святой Августин в то время был прикован болезнью к постели. Прибытие вандалов вдвойне огорчило его, поскольку они были не только варварами, но и христианами арианской секты – сам же Августин придерживался никейского обряда¹¹⁷. В письме к товарищу, также служителю церкви, он говорил, что лучшее для тех, кто оказался на пути вандалов, – бежать до тех пор, пока угроза не минует¹¹⁸. Сам Августин не последовал собственному совету: он умер летом 430 г., когда варвары еще стояли лагерем под стенами Гиппона. В августе 431 г. город пал, и Гейзерих сделал его столицей нового варварского королевства, собранного из римских колоний вдоль побережья современных Алжира, Туниса и Ливии¹¹⁹.

Гиппон пробыл варварской столицей всего несколько лет. Уже в 439 г. вандалы захватили Карфаген, величайший город на побережье Северной Африки. Завоевание далось им поразительно легко. Теоретически в тот год вандалы и римляне соблюдали перемирие. Однако 19 октября, когда большинство жителей Карфагена смотрели представление на ипподроме, Гейзерих ввел в город свое войско. Необъявленное и непредвиденное нападение не встретило никакого сопротивления. Это был невообразимо дерзкий план. Однако он сработал. В один день могущественный город, с которым Римская республика сражалась в Пунических войнах с 264 до 146 г. до н. э., оказался отрезан от империи.

Дело было не просто в уязвленной гордости. Вся римская экономика зависела от экспорта карфагенского зерна, но теперь экспорт прекратился. Вырвав Карфаген и большую часть Северной Африки из-под контроля римлян, вандалы перекрыли источник жизнеобеспечения Западной империи. В следующие годы они еще больше укрепили власть и позиции своего королевства в Южном Средиземноморье. Гейзерих построил мощный флот и благодаря господству на южном побережье Средиземного моря смог создать, по сути, пиратское государство. Вандалы нападали на проплывавшие мимо суда и наносили немалый вред оживленным торговым сетям, обеспечивавшим экономический порядок Западной Европы. Гейзерих совершил набег на Сицилию и взял под контроль Мальту, Корсику, Сардинию и Балеарские острова. В 455 г. он даже привел свое войско в Рим и, подражая Алариху, разграбил Вечный город второй раз за столетие. Из этого похода он вернулся с доверху набитыми карманами. По словам Прокопия, Гейзерих, «нагрузив на корабли огромное количество золота и иных царских сокровищ, отплыл в Карфаген, забрав из дворца и медь, и все остальное»¹²⁰. Пожалуй, самой скандальной частью его добычи в тот раз стали западная императрица Лициния Евдоксия и две ее дочери.

¹¹⁵ Здесь и далее «Война с вандалами» Прокопия Кесарийского цит. в переводе А. А. Чекаловой. – *Прим. перев.*

¹¹⁶ Dewing, H.B. (trans.). *Procopius / History of the Wars*, vol. 2 (Cambridge, Mass.: 1916), p. 30–33.

¹¹⁷ Большинство германцев были христианами арианского толка. Арианство отвергало тринитарный взгляд на природу Иисуса Христа, утверждая, что Бог Сын был отдельной сущностью, созданной в определенный момент времени. Никейские христиане считали иначе. Никейский Символ веры гласит: «Веруем во единого Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Единородного, прежде всех веков». Эта доктрина была сформулирована на Никейском соборе в 325 г., откуда и происходит ее название.

¹¹⁸ Weiskotten, Herbert T. (trans.). *The Life of Augustine: A Translation of the Sancti Augustini Vita by Possidius, Bishop of Calama* (Merchantville, NJ., 2008), p. 44–56.

¹¹⁹ Недавние исследования о вандалах в Северной Африке перечислены в: Merrills, A. H. (ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa* (Abingdon: 2016), esp. p. 49–58.

¹²⁰ *Procopius / History of the Wars*. Vol. 2, p. 46–49.

Они семь лет оставались почетными пленниками в Карфагене, и за это время одна из девушек стала женой сына и наследника Гейзериха, Гунериха.

Для Рима это была настоящая катастрофа. Для вандалов – триумф, превосходящий самые смелые мечты. Гейзерих основал королевство, которое после его смерти в 477 г. перешло к Гунериху и далее к следующим представителям династии вандальских королей. Восточные императоры пытались вмешаться и в 460 и 468 гг. отправили несколько военных флотов, чтобы отбить Карфаген и отсечь змею голову. Однако они потерпели неудачу. Римский Запад остался изрядно потрепанным и критически сократился в размерах.

Неудивительно, что те, кто оказался по другую сторону вандальского завоевания, оставляли об этих событиях крайне возмущенные отчеты. Особенно яростно критиковал вандалов служитель церкви по имени Кводвультдеус, епископ Карфагена, поддерживавший переписку со святым Августином. После того как Кводвультдеус публично заявил о своем отвращении к арианству, его взяли под стражу, посадили в лодку без парусов и весел и отправили в открытое море. В конце концов его выбросило на берег в Неаполе, где он и прожил в изгнании остаток жизни. В своих письмах Кводвультдеус называл вандалов еретиками, дьяволами и волками ¹²¹.

Был ли Кводвультдеус справедлив в своих оценках? Несомненно, вандалы были свирепыми и жестокими захватчиками и во время завоевания Северной Африки пролили немало крови. Вместе с тем жестокость и кровопролитие – неизменные спутники любого вторжения. Римские войска под командованием Сципиона Эмилиана, взявшие Карфаген в 146 г. до н. э., едва ли обошлись с городом бережнее: они сожгли его дотла, причем многие горожане сгорели в собственных домах, завоеватели объявили своими все окрестные земли и увезли с собой около 50 000 рабов. Точно так же римские императоры, прежде чем обратиться в христианство, всемерно поддерживали преследование христиан в провинциях – жертвами подобных гонений стали в числе прочих и так называемые сцилитанские мученики, казненные в 180 г. н. э. за приверженность своей вере и отказ поклоняться правившему тогда императору Марку Аврелию. Вандалы с неизменной жестокостью притесняли никейских христиан, но в насилии, охватившем Северную Африку при вандалах, не было ничего имманентно варварского – так устроен мир.

На самом деле мы могли бы даже пойти дальше, поскольку некоторые данные позволяют предположить, что королевство вандалов в Северной Африке было в действительности отнюдь не логовищем пиратов и демонов, а вполне стабильным государством, и далеко не все считали его правителей тиранами. Хотя вандалы разорвали жизненно важную цепочку поставок зерна, связывавшую Карфаген и Рим, они не стали устраивать полную экономическую блокаду: по средиземноморским торговым путям в тот период продолжали переправлять популярную красноглиняную керамику. Вандалы чеканили собственную монету в имперском стиле и, очевидно, достаточно хорошо ладили с местным населением (значительно превосходившим их численностью), чтобы не доводить дело до народного восстания ¹²². Судя по всему, они не стали уничтожать созданный римлянами государственный аппарат. Сохранившиеся мозаики эпохи вандалов позволяют говорить о существовании роскошной и утонченной материальной культуры. Одна такая мозаика, обнаруженная в Борд-Джедиде и сегодня выставленная в Британском музее, изображает всадника, скачущего прочь от обнесенного стеной большого города. Даже Прокопий, подробно писавший о вандалах и их отношениях с Римом, признавал, что эти варвары умели жить. Его слова стоит процитировать целиком:

¹²¹ Дискуссия о риторике Кводвультдеуса и ее религиозном и политическом контексте в: Vopřada, David. 'Quodvultdeus' Sermons on the Creed: a Reassessment of his Polemics against the Jews, Pagans, and Arians', *Vox Patrum* 37 (2017), p. 355–367.

¹²² См.: Cameron, Averil, et al (eds.). *The Cambridge Ancient History XIV: Late Antiquity, Empire and Successors, A.D. 425–600* (Cambridge: 2000), p. 554.

Из всех известных нам племен вандалы были самыми изнеженными... С того времени, как они завладели Ливией, все вандалы ежедневно пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого хорошего и вкусного производит земля и море. Все они по большей части носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах, на ипподромах и среди других удовольствий, особенно увлекаясь охотой. Они наслаждались хорошим пением и представлениями мимов; все удовольствия, которые ласкают слух и зрение, были у них весьма распространены. Иначе говоря, все, что у людей в области музыки и зрелищ считается наиболее привлекательным, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, богатых водой и деревьями, часто между собой устраивали они пиры и с большой страстью предавались всем радостям Венеры¹²³.

Как мы вскоре увидим¹²⁴, вандалам недолго оставалось наслаждаться всевозможными плотскими радостями. Однако до тех пор они как будто походили на римлян едва ли не больше, чем сами римляне, над чьей империей они, выражаясь современным языком, совершили акт вандализма.

От Атилы до Одоакра

После окончания Пунических войн потеря Карфагена и появление в Северной Африке нового, нарушающего сложившееся равновесие королевства в любом случае создали бы серьезную проблему для римского Запада. В середине V в. трудность усугублялась тем, что именно тогда императорам в Равенне приходилось иметь дело с появлением на уязвимой границе еще одного враждебного государства, а именно недолго просуществовавшего, но натворившего немало бед королевства вождя гуннов Атилы. По-настоящему выдающийся персонаж, чье имя и сегодня остается нарицательным, Атила возглавил гуннов в середине 430-х гг., незадолго до того, как Карфаген пал перед вандалами. За двадцать лет правления Атила сумел подтолкнуть Западную Римскую империю еще ближе к гибели.

Согласно описанию греческого дипломата и историка Приска Панийского, Атила был невысокого роста, с приплюснутым носом и узкими глазами, широким смуглым лицом и редкой бородкой, тронутой сединой. Среди приближенных он держался гордо, «метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество»¹²⁵. Он был осмотрительным и хладнокровным вождем, но, если его разозлить, мог проявить жестокость. «Этот человек был подлинный бич мира, рожденный, чтобы внушать трепет другим народам», – считал Приск. По словам летописца, одного лишь имени Атилы нередко было достаточно, чтобы внушить людям ужас¹²⁶. Западный император Валентиниан III пошел еще дальше – для него Атила был «мировым деспотом, желающим поработить всю землю... [Ему] не требуется повода для битвы, ибо, по его мнению, любые его деяния оправданны... Он заслуживает всеобщей ненависти»¹²⁷.

Атила родился в первом десятилетии V в. в семье гуннского вождя по имени Мундзук, скончавшегося в 435 г. предположительно от удара молнии. К этому времени гунны уже

---

¹²³ *Procopius / History of the Wars* Vol. 2, p. 256–257.

¹²⁴ См. главу 3.

¹²⁵ Цитата из «Происхождения и деяний гетов» Иордана. Цит. по: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов = Getica / Вступ. ст., пер. с латин., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997. – Прим. науч. ред.*

¹²⁶ Mierow, Charles C. *Jordanes / The Origin and deeds of the Goths*. (Princeton University doctoral thesis, 1908), p. 57.

¹²⁷ Kelly, Christopher. *Attila the Hun: Barbarian Terror and the Fall of the Roman Empire* (London: 2008), p. 189.

несколько десятилетий проявляли активность от Кавказа до Венгерской равнины, но к тому времени, когда Атила достиг совершеннолетия, их уже нельзя было назвать в полном смысле кочевниками. Их племена обосновались на территории, простиравшейся от Рейнской области до Черного моря. Они признавали власть одной династии, а королевский двор уже не собирався в любом подходящем месте вокруг седла короля, а стал полусоседным и располагался в нескольких зданиях. Сердцем гуннского царства была Большая Венгерская равнина – единственное в Европе достаточно обширное пастбище, способное прокормить огромное количество лошадей, составлявших основу военной мощи гуннов¹²⁸. Но, как справедливо заметил Валентиниан, одной равнины гуннам было недостаточно. Их политическая система опиралась не на приобретение фиксированных участков территории, а на подчинение других народов. Гунны стремились расширять свое владычество, господствовать и взимать дань с соседей, и многие германские народы, в том числе готы, аланы, сарматы, свевы и гепиды, а также такие племена, как скиры, герулы и руги, были вынуждены признать власть гуннов. К середине V в. гунны начали доставлять серьезные неприятности римлянам.

Возвышению гуннов на востоке изначально способствовали непревзойденное искусство верховой езды и усовершенствованные военные технологии в виде составного лука. Это давало гуннам огромное тактическое полевое преимущество перед теми кочевыми народами, которых они гнали перед собой, но имело намного меньше пользы в борьбе с империями, чьи подданные укрывались в обнесенных крепостными стенами городах, а войска размещались в деревянных и каменных крепостях. Однако примерно во время воцарения Атилы гунны добавили в свой арсенал исключительно важный новый технологический навык – осадную инженерию. Хотя с точки зрения ресурсов они не могли соперничать с соседними великими державами – Сасанидской Персией и римлянами, – они тем не менее представляли весьма серьезную опасность. Военные кампании гуннов стали намного более опустошительными по сравнению с простыми конными набегами, потому что теперь, захватывая города, гунны могли угонять с собой сотни и тысячи пленных, которых обращали в рабство или требовали за них огромный выкуп.

В начале V в. гунны, славившиеся своей военной удачей, нередко вступали в римскую армию как наемники. Однако в 440-х гг. Атила начал посылать своих воинов в набеги на восточные римские города. Его всадники и осадные инженеры превратили Белград (Сингидунум), Ниш (Наисс) и Софию (Сердика) в дымящиеся пепелища: горы мертвых тел лежали на улицах, а оставшихся в живых угоняли в плен целыми колоннами. Огромные территории обезлюдели, особенно на Балканах, где Атила захватил в общей сложности от 100 000 до 200 000 пленных¹²⁹. В уплату за мир он требовал золото – очень много золота. В особенно прибыльные годы Атиле и его войску удавалось получить до 9000 фунтов римского золота в виде частных выкупов и официальных выплат по условиям мирных договоров, что значительно превышало сумму налоговых сборов многих римских провинций в мирное время¹³⁰. Одновременно он вынудил восточных императоров платить ему ежегодное жалованье¹³¹.

Став единоличным правителем гуннов, Атила вскоре переключил внимание с Восточной Римской империи на Запад. В 450 г. он разорвал сердечные отношения с двором Валентиниана III в Равенне, переправился через Рейн и так основательно принялся разорять Галлию, что народная память об этом потрясении не изгладилась и по прошествии полутора

¹²⁸ Kelly, Christopher. 'Neither Conquest nor Settlement: Attila's Empire and its Impact', in Maas, Michael (ed.). *The Age of Attila* (Cambridge: 2015), p. 195.

¹²⁹ Lenski, Noel. 'Captivity among the Barbarians and its Impact on the Fate of the Roman Empire', in Maas, Michael (ed.). *The Age of Attila* (Cambridge: 2015), p. 234.

¹³⁰ Ibid., p. 237.

¹³¹ Cameron, Averil, et al (eds.). *The Cambridge Ancient History XIV: Late Antiquity, Empire and Successors, A.D. 425–600* (Cambridge: 2000), p. 15.

тысяч лет¹³². Позднее говорили, что предлогом для этого вторжения послужила просьба сестры Валентиниана – Гонории, молившей Атиллу спасти ее от позорного заточения, к которому ее приговорили за любовную связь со слугой. Возможно, это было правдой, возможно, нет. Так или иначе, в начале 451 г. Атилла ворвался в Северную Францию с крупной многонациональной армией, в состав которой входили готы, аланы и бургунды. Они пересекли Рейн и опустошили земли вплоть до Луары. В более поздней хронике говорится, что гунны «без жалости предавали людей мечу и даже служителей Божьих убивали перед святыми алтарями». Подойдя к Орлеану, «они вознамерились покорить его мощью своих таранов»¹³³.

Римской чести было нанесено невообразимое оскорбление. Остановить Атиллу смогло только объединенное войско римлян и вестготов во главе с могущественным полководцем Аэцием – ценой немалой крови им удалось одержать редкую победу над гуннами 20 июня 451 г. в битве на Каталаунских полях. «С обеих сторон было перебито неисчислимое множество народу – ни одна сторона не желала уступать», – писал Проспер Аквитанский¹³⁴. И все же войску римлян и готов с огромным трудом удалось одержать победу и положить конец наступлению Атиллы, заставив его повернуть вспять и, переправившись через Рейн, вернуться на восток. Не привыкший к такому унижению, вождь гуннов объявил, что прекращает сезон военных действий, и, по некоторым сведениям, даже подумывал совершить самоубийство, чтобы смыть свой позор. Однако его дела на западе были еще не закончены. В 452 г. он совершил новое нападение, на этот раз на Апеннинский полуостров.

Ослабленная жестоким голодом Италия была не в состоянии противостоять Атилле. Города Фриули, Падуя, Павия и Милан пали перед осадными орудиями и мечами гуннских воинов. Аквилея, один из самых богатых и прославленных городов Италии, расположенный недалеко от Адриатического побережья, был взят штурмом и стерт с лица земли (это разграбление имело глубокие долгосрочные последствия для всего региона, способствовав в конечном счете появлению и расцвету нового города – Венеции). Казалось, вся Италия была готова склониться перед гуннами, но, как гласит более поздняя легенда, положение спас епископ Рима, папа Лев I Великий. Призвав на помощь всю силу святого величия, он убедил Атиллу уйти прочь. В сообщении об этой чудесной встрече говорится, что, когда Лев встретился с Атилой, гунн долго молча рассматривал роскошное облачение папы, «словно бы в глубокой задумчивости. И вдруг – узрите! – явились рядом апостолы Петр и Павел, одетые как епископы, встали по правую и по левую руку и простерли мечи над головой папы и угрожали Атилле смертью, если тот ослушается его приказа»¹³⁵.

¹³² Неслучайно немцев, разграбивших Францию во время Первой мировой войны, называли гуннами, тем более что император Вильгельм II публично восхищался Атилой.

¹³³ Brehaut, Earnest (trans.). *Gregory bishop of Tours / History of the Franks* (New York: 1916), p. 33–34.

¹³⁴ Sarti, Laurý. *Perceiving War and the Military in Early Christian Gaul (ca. 400–700 A.D.)* (Leiden: 2013), p. 187.

¹³⁵ Robinson, James Harvey. *Readings in European History. Vol 1.* (Boston: 1904), p. 51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.